

**ТАМ
И
ЗДЕСЬ**

ГОЛОС РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

**Издание Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)**

Мюнхен

1958

**ТАМ
И
ЗДЕСЬ**

ГОЛОС РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Издание Центрального Объединения
Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Мюнхен

1958

ТРИ ДОКЛАДА

1. «РЕФОРМИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ В СССР»
2. «НОВЫЕ ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ»
3. «СИЛА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ»

*Материалы конференции ЦОПЭ
29—30 мая 1958*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЦОПЭ

29—30 мая 1958 года в Мюнхене состоялась политическая конференция ЦОПЭ — Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР.

Целью конференции было дать анализ процессов, протекающих в Советском Союзе, и определить роль политической эмиграции на данном отрезке времени. На конференции были прочитаны три доклада:

1. «Реформизм и ревизионизм в СССР» — Ю. А. Письменный, главный редактор журнала ЦОПЭ «Свобода»;

2. «Новые властители дум (Идеалы современной советской интеллигенции)» — Ф. А. Арнольд, главный редактор журнала ЦОПЭ на немецком языке «Фрейе Рундшау»;

3. «Сила между Востоком и Западом (Роль политической эмиграции)» — Ф. Т. Лебедев, начальник политического отдела и ныне председатель ЦОПЭ.

На конференции присутствовали и участвовали в дискуссии по докладам русские общественные и политические деятели, писатели и журналисты, немецкие и американские общественные и политические деятели, журналисты и студенты, работники русского и немецкого радио, представители политической эмиграции стран-сателлитов и других поработанных коммунизмом народов, а также представители разных национальных и международных организаций и учреждений.

Ревизионизм и реформизм в СССР

Исходным пунктом эволюционной теории Дарвина была изменчивость. Дети отличаются от родителей и друг от друга. Естественный отбор, закрепляя целесообразные изменения и накапливая их из поколения в поколение, формирует, таким образом, новые виды.

Однако, уже сам Дарвин заметил, что не всякая изменчивость может служить материалом для отбора и, следовательно, отправным пунктом для эволюции. Постепенно обнаружилось, что изменения бывают двух, принципиально различных типов. Одни из них действительно закрепляются и поэтому могут рассматриваться, как последовательные ступеньки эволюционной лестницы. Впоследствии де-Фриз назвал такую изменчивость скачкообразной, или мутационной. Другие изменения, внешне иногда ничем не отличающиеся от первых, не закрепляются наследственно и, значит, не участвуют в эволюционном процессе. Это так называемая флюктуирующая изменчивость. Проявляясь в каждом поколении, она как бы вращается на привязи вокруг постоянного центра. Изменения этого типа появляются и исчезают, но никогда не переходят границ, поставленных им природой данного организма. Какими бы очевидными они иногда не казались, они никогда не приводят к образованию новых форм.

Рассматривая проявления реформизма и ревизионизма в СССР, мы, в сущности, должны разрешить аналогичную проблему — проблему, весьма сходную с той, перед которой в свое время оказались дарвинисты. Перед нами также яв-

ление изменчивости. Начиная со смерти Сталина в Советском Союзе происходят самые очевидные изменения. Советские дети, несомненно, отличаются от своих родителей и друг от друга. Как бы, однако, не были занимательны такие перемены сами по себе, — с политической точки зрения нас в первую очередь интересует **характер** этих изменений. Что это — флюктуирующая изменчивость, которая колеблется в заранее предназначенных для нее пределах? Или, может быть, среди многих изменений, наблюдаемых в Советском Союзе, можно обнаружить маленькие мутации, качественные скачки, которые, закрепляясь и накапливаясь, приведут в конце концов к политическим новообразованиям?

Еще недавно эта проблема вообще не была для нас проблемой. Ибо, в своем наиболее упрощенном виде, это есть **проблема возможности эволюционного развития в СССР, перерождения коммунизма и мирного вставания советской системы в демократизм**. А таких возможностей подавляющее большинство мыслящей эмиграции не допускало.

Но с тех пор времена переменились. Под влиянием феерических событий, инсценируемых Хрущевым, все чаще стали раздаваться голоса, возлагающие все свои надежды на постепенное перерождение коммунистического режима. Эти голоса, разумеется, прежде всего зазвучали на Западе.

Характерной в этом отношении является, например, статья Сиднея Хука, опубликованная в февральском номере берлинского журнала «Дер Монат». Для того, чтобы познакомиться со взглядами автора, достаточно, собственно говоря, прочесть заглавие его статьи. Она называется «Освобождение путем эволюции» («Befreiung durch Evolution») и снабжена еще более примечательным подзаголовком: «„Отклонение“, как путь спасения» («Die „Abweichung“, als Rettungsweg»). Для устранения недоразумений скажем сразу, что под «отклонениями» автор подразумевает попросту внутривнутрипартийные «уклоны», уклоны от генеральной линии партии.

Свою статью автор начинает с констатации того факта, что освобождение от коммунизма посредством войны при создавшейся ситуации вряд ли возможно, да к тому же едва ли желательно, так как, принимая во внимание «советские успехи в области атомного оружия», она легко может закончиться освобождением всех нас «от бремени нашего существ-

вования». Революция, по крайней мере в странах-сателлитах, может породить мучеников и героев, но никогда не увенчается успехом. Поэтому «единственная реальная перспектива заключается в освобождении путем эволюции».

Затем автор переходит к христианству. Он указывает на то обстоятельство, что коммунизм, как светскую религию, часто сравнивали с христианством и что Тойнби даже «идентифицировал» его (то есть коммунизм) в качестве одной из христианских сект.

Здесь я позволю себе маленькое отступление. Я полагаю, что некоторые из присутствующих несколько удивлены странным диагнозом профессора Тойнби. Но удивляться им не следует. Во Франции католический литературный критик Пьер Клоссовский (Pierre Klossowski) выпустил книгу «Сад, мой ближний», («Sade mon Prochain»), в которой доказывает, что маркиз де-Сад был своего рода святым, ибо дух его был одержим стремлением к недостижимой чистоте Пресвятой Девы. Аналогичную мысль высказывают Андре Бретон и Жан Кокто. Оба заявляют, что де-Сад является, в сущности, моралистом в духе лучших французских традиций.

На таком фоне утверждение Тойнби уже не кажется столь парадоксальным. Оно представляется скорее умеренным и осторожным.

Сам Сидней Хук считает, впрочем, причисление коммунизма к христианству несправедливым, что не мешает ему, однако, привести высказывание Тойнби, так сказать, для усиления впечатления.

Что касается параллели между христианством и коммунизмом, то ее Сидней Хук считает вполне оправданной. Вся история христианства, с точки зрения автора, состоит в борьбе с ревизионизмом и реформизмом, сиречь с ересями и вытекающими из них практическими преобразованиями. Апостола Павла автор так прямо и именует «первым великим ревизионистом». Борьба с ересями неизменно заканчивалась ассимиляцией последних, что приводило к изменениям в организации и догматах христианской церкви. Таким образом, благодаря ересям и борьбе с ними, христианство непрерывно двигалось вперед, т. е. эволюционировало.

С таким же феноменом, — пишет автор, — мы сталкиваемся снова в истории социализма. Лозунг Ленина «Назад

к Марксу!» обозначал сильнейшую ревизию всего того, что понималось до тех пор под марксизмом. То, что Ленин именем Маркса сделал с марксизмом, Сталин сотворил с Лениным в своем труде «Проблемы ленинизма». Поэтому встает вопрос, — говорит автор, — в какой мере было бы возможным в теперешней атмосфере развенчания Сталина добиться дальнейшего отхода от коммунистической теории и практики под боевым лозунгом «Обратно к Марксу!». Борьба за возврат к Марксу, по мнению автора, могла бы привести к перерождению коммунистических режимов. Подобно тому как ереси, (обычно выступавшие также с требованиями восстановления первоначальной чистоты учения), были движущей силой в эволюции христианства, не разрывая, однако, общей оболочки христианского мировоззрения, — марксистский ревизионизм и реформизм, зовущий назад к Марксу и порождающий, таким образом, идеологические «отклонения», то есть, попросту говоря, «уклоны» внутри различных компартий, мог бы также послужить причиной эволюционного процесса в рамках коммунистической системы. Автор как бы хочет сказать: если даже христианство оказалось способным к эволюции, не говоря уже о том, что подобный же феномен мы наблюдаем в истории социализма, то почему бы к этому оказался неспособен современный коммунизм?

В мою задачу не входит дискуссия с Сиднеем Хуксом. Замечу только, что нет более пагубной тропы для исследователя вообще и для исследователя проблемы коммунизма в особенности, чем путь параллелей и дорога аналогий. Лучше всего это иллюстрирует сама работа Хука.

Согласно автору, эволюция коммунизма посредством ревизионизма должна привести к постепенному превращению тоталитарной коммунистической системы в «культуру свободного типа, где будут признаны и фактически осуществлены важнейшие политические и культурные свободы, присущие нормальному обществу».

Иными словами, такая эволюция должна привести к отказу коммунизма от своих конечных целей и к возвращению коммунистических новообразований в общество нормальных государств.

Но, если продолжить параллель между коммунизмом и христианством, столь четко намеченную автором, то мы вы-

нуждены будем придти к диаметрально противоположному выводу.

Если согласиться с Сиднеем Хуком, что христианство росло на дрожжах ревизионизма и эволюционировало только потому, что впитывало в себя «отклонения» и ереси, то, следовательно, именно им оно обязано своим расцветом и превращением в мировую силу. Это признает и автор, говоря, что христианство, в противоположность своему предшественнику иудаизму, превратилось в объемлющую весь мир религию только благодаря «своему первому великому ревизионисту Павлу», а также последующей цепи ревизий и реформ.

Но, в таком случае, и «в рамках идеологической традиции марксизма-ленинизма» (так автор определяет коммунистическую систему) ревизионистским «отклонениям» суждено сыграть не менее полезную роль. Они только придадут коммунизму большую эластичность, сделают его более вирулентным и тем самым помогут придти к мировому господству, как это произошло с христианством. С той лишь практической разницей, которая вытекает для всех нас из различных представлений о мировом владычестве, присущих, с одной стороны современному христианству, а с другой — современному коммунизму. Можно допустить, что из ревизионистских процедур, предусмотренных Сиднеем Хуком, коммунизм вышел бы в несколько смягченном виде. Но и тогда это было бы не «Die «Abweichung», als Rettung», а всего лишь «Die «Abweichung», als Aufweichung». Это было бы тюбиком смягчающей мази, вручаемой человечеству вместе с кожной болезнью коммунизма.

В своей статье Сидней Хук говорит о странах-сателлитах. В одном месте статьи он упоминает о том, что выдвигаемые им положения нельзя механически переносить на Советский Союз. Но его схема «Освобождения путем эволюции», в ее общем виде приложима, конечно, и к СССР. Вероятно это имеет в виду автор, когда в конце статьи делает предположение, что то общее стремление к большей свободе, на котором он строит свою «эволюционную теорию», проявится и в Советском Союзе.

Я сравнительно подробно изложил работу Хука, потому что ход мыслей автора очень типичен. **Такие голоса звучат на Западе.**

Но они звучат не только в западном мире. Если и не такие, то во всяком случае, созвучные им слышатся и в кругах нашей политической эмиграции.

Мне кажется, что тут за сходными следствиями лежат несколько различные причины.

Если для западных наблюдателей новые явления в жизни Советского Союза, открывая простор для новых спекуляций и освобождая место для новых концепций, послужили только толчком для усиленной умственной деятельности, то для нас они, прежде всего, оказались эмоциональной встряской, чем то вроде психического шока. Сущность этого шока можно выразить в трех словах: **«невозможное стало возможным».**

В предисловии к переизданным в 1957 году рассказам Бабеля, (сборник озаглавлен «И з б р а н н о е»), Илья Эренбург пишет о том, что талантливейший автор в 1939 году был арестован «по ложному доносу» и «умер в 1941 году в возрасте 47 лет», т. е. в расцвете творческих сил был замучен в тюрьме, или в лагере. То же самое мы читаем в краткой аннотации к рассказу Ивана Катаева «Под чистыми звездами», помещенному во втором сборнике «Л и т е р а т у р н а я М о с к в а»: «В 1937 году, в расцвете творческих сил, он был арестован по ложному обвинению и погиб в заключении».

Публичное признание того факта, что кто-то, (не говоря уже о популярном писателе в расцвете творческих сил), был арестован в Советском Союзе по «ложному доносу» (во втором случае еще хуже — по «ложному обвинению», т. е. уже по прямой вине официальных представителей власти), было раньше совершенно невозможным не только в печати, но и в простом разговоре. Оно нарушало одну из самых нерушимых заповедей советского строя: **«НКВД никогда не ошибается».** О том, насколько неприкосновенным оставался этот принцип до самых последних лет, красноречиво говорит сценка из романа Галины Николаевой «Битва в пути». Героиня романа, Тина, узнает, что арестовали группу инженеров с того завода, где она проходила практику. Все это «были такие простые, такие свои» люди. «И вдруг враги, шпионы...» Тине «не верится».

«— Не понимаю» — говорит она мужу.

Но ее муж, Игнатий Васильевич, председатель местного облисполкома, решительно заявляет:

«— Зря у нас не возьмут».

Он говорит это, хотя среди арестованных находится их хороший знакомый, честнейший человек профессор Гейзман, в невиновности которого нельзя сомневаться. И говорит не на общем собрании завода, а дома, за утренним чаем, наедине с женой. И не во времена ежовщины, а в послевоенный период, в течение которого развертывается действие романа. Такова сила неписанного закона, господствовавшего в СССР многие годы.

«Работа ВЧК, ОГПУ, НКВД, МВД и МГБ являлась до последнего времени «засекреченным производством», а тема пострадавших от органов госбезопасности — запретной темой. Я напоминаю об этих общеизвестных вещах для того, чтобы подчеркнуть, какое поистине потрясающее впечатление производит на нас такое, например, описание допроса. Один из следователей (ВЧК или ОГПУ — у автора это не совсем ясно) грозит допрашиваемому, сибирскому крестьянину: «будешь валяться в снегу».

«— Все там будем валяться, — почти спокойно откликнулся арестованный. — И вам этого дела не избежать... Вот помяните мои слова... И за мою душу ответите. И начальник ваш ответит, седой боров. Не отвергнется. Вы еще поплачете, сучьи дети. Вся контора ваша поплачет горькими слезами».

Это позаимствовано не из нашего зарубежного журнала, а из повести Павла Нилина «Жестокость», напечатанной в советском журнале «Знамя» в ноябре и декабре 1956 года.

Все это в недавнем прошлом было невозможно, так же абсолютно невозможно, как покрыть козырного туза, по выражению Л е с к о в а.

Я взял только самые разительные примеры. Но в советской жизни появилось много всяких новшеств, поражающих наше воображение. Под давлением этих фактов в нашей психике начинает протекать некий принудительный процесс, который можно выразить таким образом: «если нечто, казавшееся невозможным, стало возможным, то не окажется ли возможным и остальное?» Разумеется, это есть впадение в противоположную крайность по сравнению с тотальным отрицанием каких бы то ни было изменений в Советском Союзе. В сущности, это есть та же известная формулировка « в СССР не происходит

ничего нового», только вывернутая наизнанку. В обоих умонастроениях есть капля внутреннего капитулянтства. И оба они, как мне кажется, питаются не только объективными наблюдениями, но и внутренними психологическими источниками.

Во всяком случае по тем же причинам, или по иным, но и из стана политической эмиграции послышались новые голоса.

Чтобы не ходить далеко за примерами, обратимся к журналу «С в о б о д а», органу ЦОПЭ. Этот пример хорош еще и тем, что журнал рассчитан на широкого эмигрантского читателя.

В февральском номере «С в о б о д ы», в дискуссионном отделе, опубликована небольшая, но очень интересная статья А. Тайгина «О ревизионизме».

Автор признает что «безоговорочная непримиримость (к коммунизму — Ю. П.) помогла эмиграции выжить, сохранить свое лицо». Но «В те времена коммунизм не был еще скомпрометирован в такой степени, как это имеет место сегодня, в нем была еще тогда немалая притягательная сила, романтика новизны». Поэтому, по мысли автора тогда особых надежд на саморазрушительные процессы внутри коммунизма не было. «Сейчас — дело другое». Сейчас коммунизм, репрезентируемый в СССР Никитой Х р у щ е в ы м, измельчал по сравнению с временами Л е н и н а и С т а л и н а, к которым, как выражается автор «можно по разному относиться», но которым, «оставаясь объективным, нельзя отказать . . . в масштабности, в своеобразной глубине и идейности». «. . . Коммунизм сейчас — это форма без содержания, дупло в тонкой оболочке коры . . . любая попытка что-то в нем изменить, перестроить или даже укрепить (подчеркнуто нами — Ю. П.) может кончиться катастрофой».

Я не думаю, чтобы этими словами автор хотел высказать несколько парадоксальную мысль, по которой одним из способов борьбы с коммунизмом являются попытки его укрепления. Своей метафорой он скорее стремится дать понять читателю какое большое значение в таких условиях приобретает ревизионизм. А значение придает ему автор поистине огромное . . .

Сперва Т а й г и н предостерегает нас: «. . . не случилось бы так, что в ожидании революции (в СССР — Ю. П.) мы

просмотрим, не заметим тех процессов, которые, может быть, сделают революцию ненужной».

Затем он «Для наглядности» переносит «происшедшее и происходящее сейчас в Польше к нам домой». Представив себе, что относительные польские свободы осуществлены у нас на родине, и оценив их восклицанием «... разве этого мало?», автор приходит к заключению: «гомулкизм без тормозов (т. е. без задержек извне — Ю. П.) — это может быть, и есть как раз то, чего хотело бы подавляющее большинство народа» (автор имеет в виду русский народ).

Вообще автор считает что «Объективно говоря, кроме гомулкизма не видно сейчас угрозы коммунизму. А он представляет угрозу чрезвычайно серьезную».

Это относится не только к гомулкизму, но и к ревизионизму в целом: «... ревизионизм, если не принимать чаемое за существующее, на данном этапе, сейчас, сегодня, это единственная реальная, подлинно существующая и растущая сила, угрожающая коммунизму».

Я не буду здесь возражать Тайгину. К его статье мне еще придется вернуться. Покамест отмечу только любопытное совпадение в предпосылках у Тайгина и Хука. Оба усматривают единственный путь спасения в ревизионизме, одновременно исключая две других возможности — революцию и войну.

Тайгин спрашивает нас: если не ревизионизм, «то что же остается тогда?». «На что надеяться, к чему стремиться и где же искать единомышленников, соратников?».

Такая постановка вопроса заключает в себе возможность ошибки. Как известно, отсутствие двух путей еще не доказывает наличия третьего. И здесь вполне понятное желание «на что-то надеяться», может оказаться опасным. В нем таится та самая опасность принимать «чаемое за существующее», от которой Тайгин предостерегает лиц, отрицающих творческую роль ревизионизма.

Я взял статьи Сиднея Хука и А. Тайгина, как типичные случаи. Эти статьи и другие, в которых высказываются родственные взгляды, показывают, что от проблемы возможности эволюции в Советском Союзе и, следовательно, от вопроса о роли ревизионизма в этом плане, просто отмахнуться нельзя. Разбор этой проблемы и составляет дальнейшее содержание моего доклада.

Перед этим, однако, необходимо определить некоторые понятия и условиться о терминологии.

Под ревизионизмом, как таковым, я понимаю пересмотр какой-либо идеологической системы, который ведется с позиций этой системы, независимо от субъективных намерений ревизионистов и от результатов, к которым приводит ревизия.

Обычно такая ревизия производится под флагом «восстановления» первоначальной чистоты учения, очищения его от привнесенных чужеродных элементов. В действительности, однако, такой пересмотр обусловлен отсталостью идеологической системы и необходимостью приспособить ее к «духу времени». Поэтому основы учения, к которому якобы возвращаются ревизионисты, пересматриваются односторонне, под новым углом зрения, в них вкладывается содержание, которого в них первоначально не было, и из них берется только то, что пригодно к употреблению в современной обстановке.

Словом «реформизм» я обозначаю практическую сторону ревизионизма, выражающуюся в конкретных организационных мероприятиях, т. е. реформах. Логически такие реформы должны были бы вытекать из «теоретического ревизионизма» и являться следствием пересмотра каких-то идеологических основ. В советской практике, однако, подчас бывает наоборот: под вызванное необходимостью и эмпирически нащупанное мероприятие подводится задним числом искусственная «идеологическая база».

Принятое мной разграничение ревизионизма и реформизма, как духовной и материальной стороны одного и того же явления, хоть и несколько произвольно, но удобно для рассмотрения советской действительности.

Еще одна оговорка: я не разбираю причин возникновения реформизма и ревизионизма в СССР. Я беру их такими, какими они уже существуют сегодня в СССР, оставляя в стороне историю их происхождения.

Задача каждого, изучающего эту проблему, — прежде всего задача систематизатора и классификатора.

Если буквой «R» мы обозначим все то, что обычно называют советским реформизмом и ревизионизмом, а буквой «X» то, что по существу к таковым не относится, то задачу эту можно выразить рабочей формулой $B - X : 2$. На два, потому что оставшиеся после удаления инородных тел явления сразу же приходится разбить на две основные группы: **прави-**

тельственный ревизионизм и реформизм, идущий сверху, и общественный, поднимающийся снизу.

Когда я окончил институт в Советском Союзе и дал свою фотокарточку для коллективной фотографии всего выпуска, то на другой день ко мне подошел наш парторг, товарищ Цебекало, и сказал:

— Послухай, во-первых, ты снялся в галстук бабочка, и, во-вторых, плюс усики и выражение лица получается белогвардейское впечатление. И потом я слышал, что ты ходишь на танцевальные вечера в Доме ученых. Ты лучше это дело брось.

Когда, несколько лет спустя, уже будучи аспирантом, я пришел на вечер моего института прямо с соревнований по плаванию, ко мне подошел наш парторг, которого звали уже не Цебекало, а по странной случайности Цыгыкало, и сказал:

— Слушай, неужели ты не понимаешь, что нельзя приходить на вечер без галстука? Этот факт, плюс загорелость груди и облупленность носа, создает абсолютно некультурное впечатление. Кроме того ты не посещаешь занятий нашей танцевальной группы. Советую это дело бросить.

Я не сомневаюсь в том, что если бы первый эпизод имел место при Сталине, а второй при Хрущеве, то нашлись бы лица, которые усмотрели бы в нем признаки ревизионизма и даже реформизма: отказ от эстетических канонів сталинизма (Сталин, как известно, не любил галстуков) и приближение к общепринятым нормам демократического Запада.

Тем не менее, оба хорошо запомнившиеся мне инцидента произошли при Сталине и в действительности являются ничем иным, как частным случаем господствующего в СССР **закона маятникообразного движения.**

Изгибы генеральной линии в советских модах, несмотря на анекдотичность темы, прекрасно иллюстрируют этот закон.

Однако, классическим примером маятникообразного движения следует считать советскую национальную политику, «национальную по форме и социалистическую по содержанию». До сих пор она проходила и, вероятно, будет проходить и дальше, в форме сравнительно равномерных колебаний между двумя полюсами: «борьбой с буржуазным национализмом» и «борьбы с великодержавным шовинизмом». На

Украине, например, в первом совнаркоме были национал-коммунисты, среди них сын Коцюбинского, Юрко Коцюбинский. Когда война с Украинской Центральной Радой и Директорией закончилась, «национальная форма» была отброшена и началась борьба с «буржуазным национализмом», (который назывался тогда «мелкобуржуазным национализмом»). Приход Петлюры с поляками в 1920 году показал, что национальные настроения, в частности, среди украинской интеллигенции, не были искоренены, а лишь загнаны вглубь, в подполье.

Чтобы выбить почву из под возродившегося на Украине национального самосознания, коммунистическое руководство перешло к борьбе с «великодержавным шовинизмом». Из эмиграции, по приглашению правительства советской Украины, вернулся ряд крупнейших политических деятелей, среди них бывший председатель Украинской Центральной Рады проф. Грушевский. Была создана «Украинская Академия Наук», — «УАН», — во главе с академиком Крымским.

Но уже вскоре стало заметно, что украинская культура, развиваясь в таком направлении, становится национальной не только «по форме», как ей полагалось, но и «по содержанию». Разразился страшный удар по «буржуазному национализму», приведший к делу «Союза Освобождения Украины» — «СВУ», к самоубийству Скрыпника и Любченко, гибели Шумского и, разумеется, к поголовному изъятию не только всех вернувшихся из-за границы, но и всех мало-мальски выдающихся местных украинских деятелей. Это был форменный погром национальной украинской интеллигенции. «Украинскую Академию Наук», — «УАН», — переименовали в «Академию Наук Украинской Советской Социалистической Республики», — «АН УССР». В этой детали, как в маленькой капле воды, отразился большой поворот, — национальный акцент в названии академии был уничтожен.

Формально постановление об «украинизации» оставалось в силе, — но последовательно соблюдать его, например, упорно отвечать по-украински парторгу, который обращался к тебе по-русски, было уже небезопасным, — это значило попасть на заметку на предмет дальнейшей «профилактики», которую энергично производили ОГПУ-НКВД.

Таких довольно правильных колебаний между двумя крайними и заранее известными точками, в советской национальной политике на Украине до сих пор наблюдалось минимум семь.

Нетрудно заметить, что события, развивающиеся в СССР по законам маятникообразного движения, заключают в самих себе свой «двигатель», свой внутренний импульс: когда «советский маятник» бежит в одну сторону, он тем самым уже подготавливает неизбежное движение в обратную, как, впрочем, кажется, и полагается каждому маятнику.

Все, только что изложенное, имеет прямое отношение к моей теме, Дело в том, что в Советском Союзе много подобных маятников чертят свои кривые в разных направлениях и существует опасность принять одну из таких «извечных» кривых за одну прямую, ведущую куда-то вперед.

В последнее время в советской прессе участились замечания по поводу «недооценки национальных культур». Оргкомитет Союза писателей РСФСР свой апрельский пленум, не в пример прочим, провел в Уфе, так сказать, на лоне башкирской национальной культуры. В советской жизни всегда очень красноречивы детали — и эта характерная деталь усиливает впечатление, что в СССР предстоит новый период так называемого «расцвета национальных культур». Если это произойдет, то факты такого порядка могут быть приняты за новую «хрущевскую» национальную политику, за ревизию национальной политики сталинского периода, тем более, что Хрущеву совершенно несправедливо приписывают пристрастие к националам, особенно к украинцам (что, конечно, в действительности является простым тяготением к старым испытанным соратникам, независимо от их национальности). Иными словами, «новый курс» в национальном вопросе может быть поставлен в один ряд с прочими «ревизиями» и «реформами» Хрущева и расценен, как некое либеральное **новообразование**.

Между тем, как показывает мой экскурс в историю национальной политики на Украине, (на которой я поэтому так долго остановился), мы не будем здесь иметь дело всего лишь с восьмым по счету **размахом** «национального маятника», с очередным «шатом» в сторону «борьбы с великодержавным шовинизмом».

Явления подобного рода в первую очередь подлежат устранению из сферы реформизма и ревизионизма.. С реформизмом и ревизионизмом, а тем более с эволюцией они ничего общего не имеют. Это — «вращенье в действии пустом», из которого не может родиться поступательного движения. Как известно, маятник движется не сходя с места.

Однако, за вычетом вышеупомянутого «х», т. е. событий, повторяющихся в советской жизни «испокон веку», и других, не имеющих отношения к ревизионизму и реформизму, в колбе, все же, остается нерастворимый остаток. Отдельные штрихи из этого небывалого и ошеломляющего уже продемонстрированы выше. Попробуем это «невозможное, ставшее возможным» подвергнуть хотя бы элементарному качественному анализу.

Как уже сказано, явления реформизма и ревизионизма в Советском Союзе прежде всего распадаются на две основных группы — **правительственное** творчество в форме официальных высказываний, решений и постановлений, и **стихийный** ревизионизм, поднимающийся снизу.

Наиболее крупным фактом из области **официального** ревизионизма на внешнеполитическом фронте следует считать идею мирного сосуществования с капиталистическим Западом. Идея эта, как известно, высказывалась еще Сталиным, но мы говорим о ее современной, хрущевской интерпретации, принятой XX партсъездом. Даем ее в наиболее современном и свежем изложении, а именно в том виде, в каком она сформулирована в передовой статье «Усилить борьбу против буржуазной и реформистской идеологии», опубликованной во втором номере журнала «Коммунист»:

«Четкую перспективу исторического развития дают принципиальные положения XX съезда КПСС о формах перехода различных стран к социализму, о возможности использования мирных форм, в том числе парламентского пути, для перехода к социализму посредством завоевания прочного парламентского большинства, опираясь на массовое революционное движение. Коренные изменения, происшедшие в международной обстановке, создали новые условия для победы социализма. В настоящее время рабочий класс и его авангард, — коммунистическая партия, — имеют возможность в ряде капиталистических стран на основе создания рабочих

и народных фронтов и других форм соглашения и политического сотрудничества различных партий и общественных организаций осуществить революцию мирным способом, объединив большинство народа, завоевав государственную власть без гражданской войны и обеспечив переход основных средств производства в руки народа».

Конечно, «четкая перспектива исторического развития», намеченная на XX съезде, отнюдь не является какой-либо перспективой, потому что покоится на фикциях. Такие утверждения, как возможность завоевания прочного парламентского большинства коммунистами, да еще в ряде стран, именно в силу коренных изменений, происшедших в настоящее время во всем мире, отдают юмором, неуместным в серьезном документе.

Но если отвлечься от практического значения «принципиальных положений», принятых на XX партсъезде, а рассматривать их именно в качестве **принципов**, в качестве декларации доброй воли к международному сотрудничеству, то им нельзя отказать ни в конструктивности, ни в новизне. Сталинское сосуществование было, все же, только вооруженным перемирием. В перспективе оставался «последний и решительный бой». Новая концепция мирного перехода к социализму (т. е. коммунизму) обещает не только светлое настоящее, но и светлое будущее.

Казалось бы, мы сталкиваемся здесь с далекоидущим ревизионизмом, притом в самом болезненном для Запада пункте. Новая концепция вносит принципиальные поправки в проект мировой революции. Налицо все признаки ревизии, которая могла бы послужить отправным пунктом эволюционного развития.

К сожалению, следующий абзац статьи разрушает наши надежды:

«Всегда и неизменно, — пишет «Коммунист», — предпосылкой перехода к социализму является овладение пролетариатом, во главе со всей марксистской партией, государственной властью, установление с помощью этой власти отнятых у монополий средств производства в общенародную собственность».

Значит, не взирая на «мирные формы» и «парламентский путь», затем, все-таки, почему-то устанавливается диктатура пролетариата, — что абсолютно непонятно после «завоева-

ния прочного парламентского большинства». А что такое диктатура пролетариата мы хорошо знаем, хотя бы из известного определения Л е н и н а.

Чувствуя некоторое противоречие между парламентаризмом и диктатурой, авторы «декларации доброй воли» разъясняют его следующим образом:

«Марксисты-ленинцы никогда не считали, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная при всех обстоятельствах. Но, несомненно также, что в случае, если эксплуататорские классы прибегнут к насилию над народом, к развязыванию гражданской войны, возникает необходимость другой перспективы — немирного перехода к социализму».

После такого разъяснения в «принципиальных положениях» XX партсъезда, разумеется, не остается ничего нового. Ибо, действительно, марксисты-ленинцы никогда не считали, что в случае добровольной передачи им власти они должны, все-таки, устраивать вооруженное восстание, так сказать, из одной любви к искусству. Но такой случай вообще маловероятен. А тогда, как заявляют составители «принципиальных положений», (малограмотность которых совершенно необъяснима), «возникает необходимость другой перспективы». Это старая знакомая перспектива «немирного перехода к социализму».

Здесь лучше всего, конечно, застенчивый эпитет. Что нужно подставить на место деликатного словца «н е м и р н ы й» догадаться нетрудно. Но и догадываться здесь не нужно.

В том же номере «К о м м у н и с т а» помещена статья А. Соболева, озаглавленная «О противоречиях социалистического общества и путях их преодоления», представляющая собой образец т. наз. «творческого марксизма».

Автор утверждает, что диалектические противоречия делятся на два весьма различных типа, — на противоречия «антагонистические» и неантагонистические».

«Антагонистические противоречия, — пишет он, — отражают противоречия коренных интересов различных классов, противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми: рабом и рабовладельцем, крепостным и помещиком, пролетарием и капиталистом. Антагонистические противоречия непримиримы, поэтому развитие их в эксплуататорском обще-

стве приводит к крупным социальным конфликтам. Их решение возможно только насильственным путем, посредством свержения отживших классов, через социально-политическую революцию, хотя форма революции может меняться в зависимости от обстановки».

Таким образом мы узнаем, каким прилагательным следует заменить слово «немирный». Однако, понятием «насилие» мы принуждены заменить не только вариант «немирного перехода к социализму», но и «мирный путь» с парламентаризмом, соглашением и сотрудничеством различных партий, и прочими приятными выражениями. Ибо А. С о б о л е в, идеолог, аккредитованный при «коллективном руководстве», выражается вполне ясно: антагонистические противоречия «в эксплуататорском обществе» можно разрешить только путем насилия. А противоречие между пролетариатом и капиталистом — типично антагонистическое.

Правда, заглянув, видимо, в передовую, автор несколько спохватывается и добавляет, что «формы» революции могут быть различны. Но раз насилие неизбежно, то форма его имеет уже второстепенное значение. «Четкую перспективу исторического развития», нарисованную на XX партсъезде, статья А. С о б о л е в а делает еще более четкой: нам предстоит «крупный социальный конфликт», сопровождаемый не менее крупным насилием.

Отношение к внешнему миру, сформулированное «коллективным руководством» на последнем партсъезде и пересказанное в «К о м м у н и с т е», очень удобный материал для познания правительственного ревизионизма в СССР уже потому, что здесь на расстоянии нескольких десятков строчек разыгрываются обе типичные для него фазы: решительный шаг вперед, как будто открывающий новые перспективы, и затем отход на прежние позиции. Этот «откат» к исходным позициям совершается далеко не всегда столь явно, так сказать, у нас на глазах. Подчас возвращение в «родные места» проходит по задворкам и от угла к углу, «п о э т а п а м». Но раньше или позже оно происходит.

Самым сенсационным, спорным, а потому и самым интересным, с нашей точки зрения, событием в экономической жизни Советского Союза является продажа колхозам сельскохозяйственных машин, находившихся до сих пор в руках МТС. Эта идея Х р у щ е в а,

санкционированная Верховным Советом СССР, превратилась в настоящее время в реальное мероприятие и поэтому, по моей классификации, является примером **правительственного реформизма**. И, нужно сознаться, примером самым убедительным. По крайней мере на первый взгляд.

Хрущевский план завоевания мира парламентским путем еще можно поставить в какую-то связь со сталинскими заявлениями о «мирном сосуществовании». Но ратуя за изъятие машин у МТС и передачу их колхозам, Хрущев прямо выступает против «указаний товарища Сталина». Большинству присутствующих, вероятно, известно, что еще в 1952 году сотрудник Института экономики АН СССР В. Венжер и его супруга А. Санина опубликовали в журнале «Большевик» (предшественник «Коммуниста») аналогичное предложение о передаче колхозам инвентаря МТС. В своей книге «Экономические проблемы социализма в СССР», Сталин дал им уничтожающую отповедь.

И, действительно, с позиции марксизма-ленинизма на такое предложение трудно реагировать иначе. Передача сельскохозяйственных орудий из рук МТС колхозам означает переход этих орудий из государственной, или так называемой «общенародной» собственности в колхозную, или «групповую». А эта последняя свойственна лишь первой, низшей стадии коммунизма. Это совершенно ясно сказано, например, в официальной статье Степаньяна по данному вопросу, помещенной в «Большой Советской Энциклопедии». Следовательно, поступательное движение к коммунизму должно идти как раз в обратном направлении — от «групповой» собственности к «общенародной».

«Не вернее ли будет сказать, что такое положение (когда МТС проданы колхозам — Ю. П.) могло бы лишь отдалить колхозную собственность от общенародной собственности и привело бы не к приближению к коммунизму, а, наоборот, к удалению от него» — спрашивает Сталин в вышеупомянутом «Ответе» товарищам Саниной и Венжер, и в данном случае он совершенно прав. Прав он и тогда, когда в «Экономических проблемах социализма в СССР» одним из «трех основных предварительных условий» перехода к коммунизму считает «подня-

тие колхозной собственности до уровня общенародной собственности».

Из своих академических рассуждений Сталин сделал абсолютно недвусмысленный практический вывод:

«Отсюда вывод: предлагая продажу МТС колхозам, т. т. Санина и Венжер делают шаг назад, в сторону отсталости, и пытаются повернуть назад колесо истории».

В своем приговоре Сталин не одинок. Необходимость сосредоточения машин в руках государства в условиях кооперативного хозяйства, действительно, является одним из принципиальных марксистских тезисов, которые можно найти еще у Энгельса.

И вот, не взирая на духовное завещание Сталина («Экономические проблемы» были его последним трудом), и даже на классиков марксизма, Никита Хрущев, ничтоже сумняшеся, «крутит колесо истории назад». Перед нами факт самого разительного, я бы сказал самого оголтелого реформизма, который мог бы стать исходным пунктом далекоидущего процесса. С точки зрения Сталина это было бы отступлением в сторону отсталости и капитализма, с нашей — эволюция в сторону современной демократии.

Но вся беда в том, что эта, принципиально самая интересная реформа «коллективного руководства», не покинула еще своего исходного пункта. Пока перед нами только первая фаза правительственной реформы, которая, как показывает опыт, всегда бывает очень решительной и радикальной. А относительно следующей фазы уже сейчас высказываются обоснованные опасения.

Указывается, прежде всего, на то, что настаивая на проведении своего мероприятия, Хрущев руководствовался вовсе не ревизионистскими побуждениями и не либеральными заботами о благе колхозников, а чисто практическими соображениями.

«В прошлом МТС являлись источником накопления дешевого хлеба. Сейчас... МТС перестали быть таким источником» — сказал Хрущев в своей нашумевшей минской речи, и в этом усматривается главная побудительная причина, заставившая Хрущева передать сельскохозяйственную технику колхозам. МТС утратили свою основную функцию поставщика дешевого хлеба государству — в этом разгадка сенсационного мероприятия.

Но еще интереснее некоторые факты, уже сейчас сопровождающие реформу, и подмеченные нашими наблюдателями. В работах А. Н а т о в а, например, отмечается, что одновременно с передачей в «общественно-групповую собственность» орудий производства, в колхозах протекает второй, подспудный процесс, — ущемление личного хозяйства колхозника и, пока в экспериментальном порядке, замена натуроплаты денежным расчетом.

Самым знаменательным, однако, является все более интенсивный процесс укрупнения всех сельскохозяйственных предприятий в СССР, растворения и МТС и колхозов в совхозах и заглывания колхозов совхозами. Особенно резко возросло число совхозов за прошлый год, причем это возрастание произошло в значительной мере за счет переходов из колхозной системы в совхозную. В настоящее время совхозы владеют 25 % всей пахотной земли в стране. Процесс этот продолжается с неослабевающей силой. Известен ряд случаев, когда колхозы превращаются в совхозы уже **после того**, как им переданы сельскохозяйственные орудия из МТС.

Эти роковые признаки заставляют подозревать, что акт укрепления колхозов, продемонстрированный Хрущевым, есть лишь глубокий фланговый обход по дороге к совхозам.

«Передача в собственность колхозам сельскохозяйственной техники, — пишет А. Н а т о в, — по форме кажется уступкой общественно-групповой собственности, усилением государственного сектора на селе. По сути... это мероприятие приближает превращение колхозов в совхозы».

К такому же выводу приходит Г. А х м и н о в в своей работе «Теоретические основы перехода к коммунизму и национализация колхозов»:

«... партийное руководство мыслит передачу сельскохозяйственных машин в руки колхозов не как самостоятельное мероприятие, а как переходный этап на пути превращения колхозов в совхозы. Об этом свидетельствует целый ряд фактов...».

Если наши специалисты не заблуждаются, — а приведенные мнения разделяет ряд авторитетных авторов, — то картина великодушной реформы, задуманной Хрущевым, рисуется так: первая фаза — передача машин в колхозы, вторая фаза — передача колхозников вместе с машинами в совхозы.

В том случае, если это, в конце-концов, произойдет, — а это представляется весьма правдоподобным, — мы должны будем констатировать отход даже не к исходному пункту, а гораздо дальше вглубь сталинской эпохи, возврат к тому времени, когда превращение в совхозы, уготованное колхозам еще до их рождения, вот-вот должно было осуществиться под руководством Сталина.

Таким образом, и эта, на первый взгляд столь многообещающая реформа Хрущева в хозяйственной области, не может служить примером творческого реформизма, в результате которого возникает нечто **новое**.

Наконец, вернемся к теме, затронутой в самом начале доклада — к теме террора. В глазах многих террор НКВД—МГБ являлся самой неприемлемой стороной советской системы, и самым характерным атрибутом внутривластной жизни СССР.

И вот — «террора в СССР теперь нет». «В Советском Союзе отныне никого не арестовывают». Больше того — «исправительно-трудовые лагеря опустели». Именно в таких преувеличенных выражениях принято сейчас говорить о политическом режиме Хрущева.

Но, отбросив гиперболы, все же нельзя не увидеть колоссального смягчения режима. Я уже цитировал литературные упоминания о ГПУ, НКВД и МВД, абсолютно невероятные раньше. «Освобождение от страха», действительно, имеет место, и этого факта нельзя недооценивать. Ибо не является ли политический климат, в конце-концов, самым реальным показателем демократии, а смягчение этого климата посредством амнистии и ограничения власти карательных органов, — самым убедительным доводом одновременно и в пользу правительственного **ревизионизма**, и в пользу правительственного **реформизма**?

Делать заключения о том, прекратились ли полностью аресты в Советском Союзе, и насколько освободились лагеря, отсюда нам несколько затруднительно. Нам приходится судить об этом по советской литературе. Однако, всмотревшись внимательно в современную советскую литературу, мы именно в этом пункте испытываем известное разочарование.

Начнем с одной детали. Я только что говорил о том, что в советских литературных произведениях появились невозможные доселе упоминания о ГПУ, НКВД и МГБ. Но, строго

говоря, этих упоминаний как раз-то почти и нет. Описывая аресты, возвращения из лагерей, и прочие вещи, не оставляющие у читателя никакого сомнения в том, что речь идет о действиях ОГПУ, НКВД и МГБ, писатели, большей частью, не дают «точного адреса» и прибегают либо к фигуре умолчания, либо к псевдониму. Так, например, в повести П а в л а Н и л и н а, отрывок из которой я прочел вначале, фигурирует неопределенный «Отдел борьбы с бандитизмом», хотя всякому известно, что борьбой с так наз. «политическим бандитизмом» занималась только ВЧК, а затем ОГПУ и НКВД.

Создается впечатление, что работники литературы избегают ставить точки над «и». Это напоминает обычаи некоторых племен, запрещающие называть по имени предметы, на которых лежит «табу». Вероятно, советские писатели делают это по той же причине: органы госбезопасности в какой-то мере остаются «табу».

Писатели рассказывают о судьбе своих репрессированных героев обычно или до их ареста, или после выхода из лагеря. Доведя героя до дверей НКВД или МВД, автор покидает его здесь, не решаясь сопровождать далее во внутренние аппараты. То, что совершается во внутренних покоях, остается и по сей час священным и неприкосновенным. В советской литературе практически нет описаний допросов в органах госбезопасности, хотя этот материал по своей красочности сам просится на палитру. Здесь мы наблюдаем единственное в своем роде явление, когда Х р у щ е в, публично признавший на XX съезде применение «недозволенных методов следствия», пошел дальше работников художественного слова. Во всех остальных случаях, наоборот они вышли далеко за пределы либерализма, предначертанные партией и правительством.

В этом, особом случае, однако, творческие работники чрезвычайно осторожны. Подобно неопытному человеку, странствующему по топкому болоту, они идут за Х р у щ е в ы м, тщательно ступая ему «в след», как выражаются охотники, и не опережая его ни на шаг.

Общеизвестно, что массовые аресты, например, во время «ежовщины», органы госбезопасности производили по «разверстке». В пресловутые «списки» люди попадали механически, по специальному признаку, по признаку бывшей профессии, по положению в советском обществе (слишком авто-

ритетные и относительно «независимые» представители интеллигенции), и пр. Наличие конкретного обвинительного материала практически не играло при этом никакой роли, да и не могло играть из-за масштабов, в которых проводились операции. За массовым уничтожением заведомо невинных и полезных людей крылась философия советского террора, созданная еще в недрах ВЧК и совсем не такая бессмысленная, как это может показаться.

Авторы «крамольных» произведений, появившихся сейчас в СССР, за редкими исключениями придерживаются другой версии. Их героев обычно арестовывают вследствие «ложного доноса», т. е. по вине сотрудников по работе и соседей по квартире, таких же, как и они беспартийных и партийных обывателей. За карательными органами остается только та вина, что они, как принято говорить, «не разобрались в деле».

Эта тенденция перекладывать вину с больной головы на здоровую, к сожалению, особенно отчетливо сказалась в великолепной вещи В. Каверина «Поиски и надежды», по эмоциональной глубине оставляющей далеко позади роман Дудинцева.

Жена невинно арестованного эпидемиолога Андрея Дмитриевича Львова, от лица которой ведется рассказ, так описывает свои переживания:

«Пусть он войдет, если есть на свете справедливость и честь . . . Пусть он войдет, или дайте мне умереть, потому, что я не хочу жить, обманываясь и теряясь и трепеща от страха, что может победить подлость — подлость и ложь».

Это сказано сильно и звучит как протест против всей бесчеловечной советской системы.

Но кто, однако же, виноват в страданиях женщины, доведенной до такого отчаяния?

Об этом рассказывает другое действующее лицо, жена Валентина Сергеевича Крамова, с группой сослуживцев написавшего донос на доктора Львова:

«Они сделали так, что Андрея не могли не арестовать. Это было бы чудо. . . Подумайте сами: если по крайней мере три свидетеля, да еще всеми уважаемых, известных в науке, в один голос утверждают, что он совершил преступление, — у кого же хватит смелости не посадить его?» И затем идет изложение доноса, действительно, составленного так убедитель-

но, что не арестовать Андрея Дмитриевича Львова не представлялось никакой возможности.

Все сказанное выше, свидетельствует о том, что если «освобождение от страха» вообще в Советском Союзе и произошло, то страх перед органами террора **остался**. Остался по той простой причине, что **остались органы**. В настоящий момент они функционируют слабо, но кто может поручиться, как они будут работать завтра? Повидимому, именно соображения такого рода принуждают советских писателей проявлять в этом случае необычную для них теперь сдержанность. Они не верят в то, что политический террор ушел и больше не вернется. И, в самом деле, только **ликвидация самих органов**, а не сокращение их функций, замена органов госбезопасности политической полицией нормального типа, могла бы служить доказательством радикального сдвига в этой области.

Опровержение принципа непогрешимости НКВД-МВД-МГБ — **несомненная ревизия** сталинских теоретических установок. Разрушение старого руководства террористического аппарата, амнистия, реабилитация и подчинение органов безопасности партийным инстанциям — **безусловные реформы**, проведенные под флагом возвращения к временам **Л е н и н а**.

Во внутривполитической атмосфере Советского Союза произошли **огромные практические перемены, но никаких принципиальных**. Заряженный пистолет, приставленный к затылку советского гражданина, **Х р у щ е в**, покамест, спрятал в задний карман.

Я не имею здесь возможности рассматривать все нововведения, которые «коллективное руководство» успело произвести за послесталинский период. Но подробно разобранные мной три примера, из которых первый говорит о несостоявшемся, по существу, пересмотре отношений к внешнему миру, второй о двусмысленной экономической реформе, и третий о степени изменения внутривполитического климата, хорошо показывают **механику** правительственных ревизий и реформ в СССР.

Вокруг хрущевского либерализма поднято много шума, и часто из-за ничего. Немало содействовали этому, в частности, иностранные корреспонденты, прилетавшие обратно из СССР в качестве восторженных вестников политической весны. Но если сдуть эту розовую пену с фактов и оставаться на почве

фактов, то можно придти к следующему общему заключению.

Есть факты мнимого ревизионизма и реформизма, когда за первой фразой, имеющей вид самой радикальной перемены, обнаруживается вторая, — «откат» на прежние позиции, возвращение к исходному пункту. **Есть факты настоящих ревизий и реформ**. Но, как я уже успел заметить, нас интересуют не столько советский ревизионизм и реформизм сами по себе, сколько содержащаяся в них эволюционная потенция. **Этой потенции у них покамест нет.**

Официальный ревизионизм и реформизм, наблюдающиеся сейчас в Советском Союзе, — типичная флюктуирующая изменчивость, колеблющаяся в predeterminedных пределах. Она не выходит из границ, за которыми начинается путь политической эволюции, — дорога, уводящая от советской системы к перерождению и новообразованиям.

Гораздо разнообразнее, богаче и противоречивее мир **неофициального ревизионизма**. Спешу оговориться: линия между правительственным ревизионизмом и общественным конечно, весьма условна. Если допустить, что какие-то официальные ревизии и реформы производятся под давлением «народных масс», то по существу, их следовало бы отнести на konto «ревизионизма снизу». И, наоборот, в том случае, когда общественный критицизм только заполняет участки, заранее отведенные для этого «партией и правительством», мы имеем дело, в сущности, с инициативой, идущей «сверху». Но попытки установить здесь точные границы неизбежно привели бы к столь соблазнительной для нас области остроумных догадок и сверхтонких соображений. Поэтому останемся лучше при более приблизительном, но и более надежном разделении.

Мне кажется, что в бесформенной стихии советского массового ревизионизма можно различить **три группы**, или три типа, или три тенденции.

К **первой группе** принадлежат ревизионисты, подвергающие пересмотру сегодняшнюю теорию и практику «коллективного руководства» с позиций той идеологической системы, которая, правильно или неправильно, положена в основу этой теории и практики, т. е. с позиций марксизма-ленинизма. Это «чистый», или «ортодоксальный» ревизионизм.

Ко **второй группе** относятся круги, которые субъективно

также хотели бы только «подлатать» советскую систему и не покидать границ марксо-ленинской идеологии, но под давлением объективных обстоятельств выходят за установленные рамки, иногда довольно далеко. Этот тип ревизионизма можно назвать «субъективным».

Третья группа представляет собой нечто обратное второй. Сюда относятся элементы, сознательно критикующие советскую действительность с позиций, далеко отстоящих от всякого марксизма-ленинизма, но при этом, естественно, пользующиеся терминологией и формами ревизионизма. Если внутри такой критики таится последовательное отрицание всего советского строя, то можно говорить о «ревизионизме в маске». Такой ревизионизм можно обозначить эпитетом «**формальный**».

Кардинальным вопросом является: **каков удельный вес каждой из этих групп в советском обществе?**

Прежде, чем попытаться ответить на этот вопрос, я должен, однако, заняться одним предрассудком, широко распространенным в последнее время.

Предрассудок этот непосредственно связан с ревизионизмом и реформизмом в СССР, (что лишний раз доказывает зрелость этой проблемы), с чьей-то легкой руки пущен в оборот, стал ходячей монетой и часто принимается за чистую монету.

Его содержание заключается в таком логическом ряде:

Теперешний советский гражданин, особенно молодой, не знает прошлого России. Запада он тоже не знает и имеет о нем самые превратные представления: демократию представляет себе как хаос, капитализм — по Марксу, как неслыханную эксплуатацию и прогрессирующее обнищание трудящихся. Единственное, что знает советское новое поколение — это учение **М а р к с а - Л е н и н а**. Оно умеет мыслить только марксистски. Поэтому в своих ревизионистских вылазках оно аргументирует от **Л е н и н а** и **М а р к с а**. Советская молодежь «хватается за единственное оружие, которое лежит под руками».

Я разрешу себе снова поделиться с присутствующими одним анекдотическим случаем из моего личного опыта. В 1933 году я был послан в «глубинное» украинское село Машурово, лежащее в 18 километрах от ближайшей железнодорожной

станции (где, между прочим, наблюдал вымирание населения и аресты людоедов). Там сторожем на «стойне» (в конюшне) работал придурковатый молодой хлопец по прозвищу «Карахонька». На колхозном собрании он выступил с просьбой об освобождении его от этой работы. Когда председатель напомнил ему, что на эту должность его выбрала громада, «Карахонька» заявил:

— Ну й що з того? Хиба ви мене довічно обрали? Американського президента й того обирають лише на чотири роки.

Что по-русски означает: «Ну, и что с того? Разве вы меня выбрали пожизненно? Американского президента и то выбирают только на четыре года».

Конечно, это только гротеск. Но и он показывает, какими поистине неисповедимыми путями доходят сведения, и не о Европе, а о далекой Америке, и не в областной или районный центр, а в глухое село Машурово.

В Москву, Ленинград, Киев и другие большие города эти сведения доходят гораздо более простыми путями и притом в совершенно достаточном количестве.

В мои времена в киевском Доме ученых, в Клубе инженеров и в Союзе писателей кипами лежали иностранные газеты и журналы, включая спортивные, из которых можно было составить себе полное представление о политической, экономической и культурной жизни не только Запада вообще, но и каждой западной страны в отдельности. Я помню, что сотрудники моей лаборатории, среди которых были большие любители иностранной политики, часами обсуждали программы тогдашних западных, главным образом, немецких партий и качества различных политических деятелей.

Так было в довоенные, сталинские времена. Теперь положение стало неизмеримо лучше. К литературным источникам осведомления присоединились радиостанции на русском языке, за слушание которых не посадят, и во много раз более действенные источники живой информации: от лиц, находившихся на оккупированной немцами территории, от вернувшихся из плена и репатриированных, от советских туристов (стоит себе только представить результаты массового посещения брюссельской выставки), от многочисленных участников различных конгрессов и съездов, от театральных трупп и всяческих «ансамблей», от советских спортсменов, почти не принимавших раньше участия в международных

соревнованиях. И, наконец, от многотысячной оккупационной армии в восточной Германии, которая представляет собой как бы постоянно приоткрытую форточку в западный мир.

О жизни западного мира несравненно лучше стала информировать и советская пресса. Из любого номера любой советской газеты можно получить элементарные понятия о главных событиях, происходящих на Западе, конечно, переведя их посредством незамысловатого и всем известного ключа с советского языка на русский.

Но это только газеты. Возьмем наудачу несколько журналов. В «Вопросах Истории КПСС» № 1, в статье «О некоторых чертах современного ревизионизма» добросовестнейшим образом рассказывается о всех еретических мыслях, когда-либо высказанных ревизионистами США, Италии и Канады. Два главных тезиса ревизионистов: тезис о новых чертах капитализма и о бескризисном развитии капитализма. В «Иностранной Литературе» № 2, в статье «Литература и действительность», ведется полемика с литературным обзором «Таймс».

В журнале «Новое Время» № 9—10, помещена статья «Странный социализм». В статье во всех подробностях повествуется о том, что австрийские социалисты употребляют термин «диктатура пролетариата» в ругательном смысле, вместо рассуждений о классовой борьбе выдвигают морально-философскую сторону социализма и выбрасывают лозунг «свобода личности», проповедуют синтез частной инициативы с государственным планом, отрицают неизбежность кризисов и «хаос» в государствах, которые в СССР называют «капиталистическими», утверждают, что марксизм Маркса - Ленина устарел, и что расстояние между трудом и богатством при современном «капитализме» не растет, а постоянно сокращается, и т. д. В статье не только говорится о том, что австрийские социалисты считают правильным, но и посредством цитирования соответствующих мест программы объясняется, почему они считают это правильным. Вот три примера, выхваченных наудачу.

«В свете этих фактов», как принято писать в Советском Союзе, остается совершенно непонятным, как грамотная и мыслящая часть советского населения, особенно пытливая молодежь, может оставаться в полном неведении относитель-

но того, что происходит на Западе. В СССР не знают, конечно, что Вилли Брандт, или Гайнеман относятся к группе «реформистов» в немецкой социал-демократической партии, а Фритц Гайне, или Альфред Нау — к «аппаратчикам». Но это и не нужно, — не нужно не только для познания демократии, даже и для познания немецкой социалдемократии.

Еще непонятнее, как советская молодежь может не знать прошлого России, в частности ее политических традиций. Молодежь не только может это знать, но не может этого не знать, по той простой причине, что это стоит в учебных планах. Молодежь обязана изучать Герцена, Писарева, Добролюбова и Чернышевского. Она должна знакомиться со всем богатством русской классической литературы, над которой витают два незримых лозунга: свободолюбие и гуманизм. А я думаю, что в произведениях Некрасова, Толстого и Достоевского можно найти не меньше пищи для выработки мировоззрения, чем в трудах Маркса, Энгельса и Ленина. Это не только логические соображения. Следующий докладчик покажет, что, например, между нынешними настроениями в СССР и идеалами шестидесятников наблюдается определенная созвучность.

Глубоко ошибочен и второй тезис, столь правдоподобный на первый взгляд, согласно которому в Советском Союзе знают только марксизм. Если отвечать на это категорическое утверждение таким же категорическим, то я выдвинул бы следующий контртезис: в Советском Союзе никто не знает марксизма. В смягченной форме этот антитезис звучит так: в Советском Союзе очень-очень мало людей, которые владеют марксизмом-ленинизмом в такой степени, чтобы пользоваться им в качестве ревизионистского оружия. Так же мало, как знатоков древнеславянского языка или истории таджикского театра. Они есть, но это небольшая кучка теоретиков, выращенных в кабинетах по изучению марксизма-ленинизма и знающих советскую жизнь преимущественно по литературным источникам. Конечно, они в первую очередь выступают на студенческих собраниях, но это не увеличивает их реального веса.

Разобранный здесь комплекс чрезвычайно важен, потому что он ведет к дальнейшим заблуждениям и ложным постро-

ениям. Если допустить, что советское новое поколение способно аргументировать только от марксизма-ленинизма, то отсюда вытекает и превалирующее значение моей первой группы, — ортодоксальных ревизионистов, оперирующих в пределах марксо-ленинской идеологии.

В конце прошлого года я задал вопрос об удельном весе побивающих «хрущевизм» марксизмом одному «свежему» новейшему, выступавшему в этом зале. Он ответил: «таких среди советской молодежи, в частности, среди студенчества, маленькая группка».

Но впечатление одного человека, конечно, может быть субъективным. Поэтому обратимся к самому широкому и надежному отражению советской жизни изо всех, покамест нам доступных, — к современной советской «крамольной» литературе.

С каких позиций атакуют герои ревизионистских произведений советскую действительность и какие идеалы реют перед ними?

В таких случаях принято начинать с вольнодумных интеллигентов. Но я начну не с Лопаткиных и Ольховских, не с Суходоловых и Львовых, а с колхозников. Не будем забывать, что они, как-никак, образуют большинство населения. Они редко высказываются на собраниях по вопросам идеологии, но они далеко не безгласны и чуткое ухо может подслушать много поучительного в их будничных разговорах.

Самый поучительный разговор, как мне кажется, произошел с колхозником у секретаря райкома, некоего Хапрова, в рассказе С. Кружилина «Жизнь сызнава»:

«— Ты и в доме обходишься без вил?» — спросил Хапров.

«— В доме? Ты в моем доме не был» — ответил колхозник.

«— Побывай — узнаешь . . . народ так смотрит: дом это одно, а колхоз другое . . .»

«— Так ведь и то, и другое — ваше!»

Старик усмехнулся.

«— Что дом, то мое, а что в колхозе — то наше . . . Вот в чем разница!» (подчеркнуто нами — Ю. П.)

Я думаю, что едва ли возможно вообще лучше сформулировать разницу между коллективной и частной собственностью и различное отношение колхозника к той и другой.

А вот и дом, собственный дом колхозника:

«Виден был не только сам дом, — большой, пятистенный,

но и обширный двор, крытый тесом . . . На всем хозяйстве лежал особый отпечаток аккуратности и достатка . . . Контраст между положением на колхозном базу и порядком здесь был так велик, что Хапров не удержался и заметил об этом Трапезникову.

— Люблю в хозяйстве повозиться, — простодушно признался тот».

Самое простодушное в признании трудолюбивого колхозника заключается в том, что колхозное хозяйство он, повидимому, **даже и за хозяйство не считает**, а рассматривает, как некую отвлеченную труповинность.

Но не у всякого колхозника есть хорошее хозяйство и дом. Тогда любовь к собственности ищет хоть какого-нибудь объекта:

«Ходит ли, скажем, баба, либо мужик, на колхозную конюшню или ферму, чтобы погладить прежнюю свою скотину? . . . Было это . . . Перешла ласка на кур в своей усадьбе, на поросенка, **на крокодила** — на что угодно — у кого что есть» (подчеркнуто нами — Ю. П.).

Это из рассказа Юрия Яновского «Мир». Было это — было и осталось у крестьянина: неискоренимая любовь не к «нашему», а к «моему». В приведенном отрывке интересно то, что стремление к собственности теряет свое практическое значение, превращается в платоническое чувство, а собственность **приобретает все свойства символа, идеала**. Об этом высшем идеале колхозника прямо говорит С. Воронин в рассказе «Без земли»:

«Земля! Самое дорогое, то, что держит, не отпускает в чужие края. **Свой** кусок. Маленький, но **свой**, на котором только он хозяин и никто больше» (подчеркнуто нами — Ю. П.).

Так думает колхозник, у которого только что отобрали эту землю — его приусадебный участок.

В рассказах из колхозной жизни, которые пишут теперь «крамольные» советские писатели, трудно встретить, например, обсуждение кооперативного плана Ленина, или рассуждения колхозников о том, что лучше, — общественно-групповая собственность или общенародно-государственная. Но зато в них явно звучит нота, звучавшая долгое время, — тяга к индивидуальному хозяйственному творчеству. Снова явно выступают очертания идеала, за который боролось крестьянство, — земельной **собственности**.

Я не берусь оценивать этот идеал: низкий он, или высокий, прогрессивный, или консервативный. На основании имеющегося литературного материала невозможно также сказать, как представляют себе колхозные крестьяне эту земельную собственность: крупной, или только мелкой, или, может быть, в виде сочетания частной собственности с государственной, как это предусмотрено в программах многих западных социалистических партий.

Но одно кажется довольно ясным.

В «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Энгельс, как известно провозгласили:

«Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности».

В таком случае советские колхозники также могут выразить свои ревизионистские желания одним положением: **восстановление частной собственности.**

Самое интересное, однако, то, что этот идеал, повидимому, удалось частично воплотить в жизнь, так сказать, в экспериментальном порядке, в рамках современной советской действительности.

В книге В. Жабинского «Просветы», недавно вышедшей в издательстве ЦОПЭ, есть один, едва ли не самый любопытный раздел, который называется «Новый социальный слой». Оказывается, что в течение послевоенного периода в Советском Союзе образовался некий новый хозяйственный уклад, — беглецы из колхозов, а также из крупных городов, осевшие в пригородах и маленьких городках и живущие по законам частной собственности и рыночного хозяйства(!).

Вот как описывает этот новый слой Тихон Журавлев в рассказе «В пригороде»:

«Вчерашние (бежавшие — Ю. П.) колхозники не стали рабочими. Они живут теперь как бы между городом и деревней, не связанные ни с колхозом, ни с заводом, промышляя себе на хлеб, кто чем может. Одни выращивают на своих усадьбах овощи для базара, другие плетут из речного рогозника и лозы корзины для продажи, третьи вяжут веники для вывоза в другие, северные города...»

Самое поразительное свойство нового слоя то, что это, вероятно, **единственный социальный слой в СССР, который вполне доволен.** Тот же Журавлев продолжает:

«Никто из жителей (такого пригорода — Ю. П.) не жалуется на свое неопределенное положение. Наоборот, жизнь в пригороде они считают вольготной, — у каждого своя усадьба...»

Автор замечает одному из новых собственников:

«— Но вы-то живете между небом и землей.

— В самый раз — улыбнулся хозяин, — ни холодно, ни жарко».

Тут и безногий майор в отставке, «и земли у него десятина». Тут и крестьянин Павлушка Козел, который живет еще лучше — «в масле катается». Примкнули к новому слою и беспартийные и партийцы.

Довольство новоявленных «частников» — не только материального свойства и работать им приходится не меньше, чем в колхозе. Это не «паразитизм на теле социалистического государства»:

«— Тут и своей работы по горло, еле справляемся...»

— говорит один из хозяев. Его жена, дочь и он сам полностью загружены работой в собственном хозяйстве.

О своеобразном новом слое в Советском Союзе рассказывает ряд советских писателей — Тихон Журавлев, Владимир Канторович, С. Кружилин, М. Черкасова, Юрий Нагибин и другие.

Материальная обеспеченность этих людей, из которых каждый может сказать «я сам себе хозяин», разумеется, не Бог весть какая. Трудиться приходится много. Их глубокое внутреннее удовлетворение проистекает из иного источника — из ощущения личной свободы и чувства собственности — на свое хозяйство и на самого себя. Это — удовлетворение от хотя бы некоторой гармонии между идеалом и действительностью.

Таким образом, мы неожиданно узнаем, что есть в Советском Союзе такая обитель, где б колхозный мужик не страдал...

Мировоззрение советской интеллигенции, идеалы современных «властителей дум» в Советском Союзе и позиции, с которых они ревизуют советский строй, — тема следующего доклада. Я коснусь ее постольку, поскольку это необходимо для общих выводов.

Точно так же, как в колхозной литературе трудно обнаружить у колхозников стремление к реформам на базе марк-

со-ленинской теории, например, в форме пересмотра теперешней колхозной практики с точки зрения творческого марксизма, или возврата к ленинским принципам кооперации, — так же точно трудно найти и у интеллигентов, героев советских «критических» произведений, признаки **ортодоксального** ревизионизма.

В современных советских художественных произведениях, как, впрочем и в русской литературе вообще, очень много рассуждений на отвлеченные темы и разговоров «о смысле жизни». Вот, казалось бы, самое подходящее место, для попыток переосмыслить советскую жизнь в свете учения **Маркса и Ленина**, для споров о том, правильно ли воплощены идеи творцов этого учения и не надо ли кое в чем возвратиться назад, к его первоисточникам. Однако, таких дискуссий на страницах «крамольной» советской литературы, отражающей широкую, настоящую жизнь, а не только жизнь в одной замкнутой ячейке, жизнь в «капле воды», — таких дискуссий в ней почти нет, хотя при той доле свободы слова, которая существовала еще год тому назад, подобная тематика была бы не только допустима, но и **наиболее** безопасна.

В советской литературе последнего периода есть либо произведения конформистские, стопроцентно стоящие на правительственной платформе и критикующие «от сих и до сих», либо произведения ревизионистские, и тогда люди в этих произведениях заняты совсем другими проблемами, далеко отстоящими от границ марксизма-ленинизма.

Если попытаться сформулировать совсем сжато и коротко, против чего и за что борется подавляющее большинство «новых людей» в советской литературе, то придется сказать так: **они сражаются за восстановление общечеловеческих духовных ценностей, за общечеловеческую мораль — и против советской шкалы ценностей, против классовой марксо-ленинской этики.**

Когда жена арестованного научного работника д-ра Львова, в цитированном уже романе **В. Каверина** «Поиски и надежды», говорит, что хочет умереть, если на свете нет справедливости и чести, если победят подлость и ложь, — то она имеет в виду не классовую справедливость, не партийную честь и не буржуазную подлость и ложь (пролетарской подлости и лжи, как известно, в марксистских ка-

тегориях не существует). Ибо если бы она обеими ногами твердо стояла на почве относительной марксо-ленинской этики с ее принципом «статистического» счастья, то ей пришлось бы погрузиться о совершенной старшими товарищами ошибке, но нечего было бы возмущаться: «Лес рубят — щепки летят».

Идейный чекист-ленинец Л а ц и с в первом номере журнала ВЧК «М е ч», вышедшем в 1918 году, (существовало и такое издание), писал: преступление, обман, убийство, если они нужны для революции — моральны.

Вот против этой морали, в первую очередь, и выступают герои «крамольных» советских произведений: против ограниченной партийной этики, за Справедливость, Правду и Честь с большой буквы, за Человечность к человеку вообще, а не только к политическому единомышленнику. И, конечно, за свободу, не за «осознанную необходимость», а за полную индивидуальную свободу, за ту «чистую демократию», которой так возмущаются официальные опровергатели стихийного ревизионизма.

В этом не трудно удостовериться, потому что идеи, бегло перечисленные выше, так и бьют в глаза со страниц любого советского «критического» произведения. Я приведу только один пример, — несколько строк из стихотворений Е. Евтушенко, в котором угадывается один из вождей или, по меньшей мере, выразителей настроений нового поколения в СССР. Стихи взяты из последнего (четвертого) сборника поэта, вышедшего в нынешнем году, но, повидимому, подготовленного к печати гораздо раньше.

«Я — разный, — пишет Евтушенко, — я натруженный и праздный, я целе- и нецеле-сообразный. Я весь несовместимый, неудобный, застенчивый и наглый, злой и добрый. Во мне перемешалось столько всякой-всячины: от запада и до востока, от зависти и до восторга».

Над этими строчками, написанными с некоторым умышленным поэтическим кривляньем и издевательством над строгими нравами социалистического реализма, можно без затруднения поставить заглавие: «Исповедь индивидуалиста». Евтушенковское «кредо» с предъявлением права на полную внутреннюю свободу, на праздность (если этого требует его внутренний мир) и даже на «нецелесообразность», конечно, выпадает из всех рамок такой целесообразной идеологии, как

марксизм-ленинизм, и такой «натруженной» государственно-политической системы, как советская.

Наряду с требованием внутренней свободы, поэт требует и внешней:

«Границы мне мешают . . . мне неловко не знать Буэнос-Айреса, Нью-Йорка. Хочу шататься, сколько надо, Лондоном, со всеми говорить, хотя б на ломаном! Мальчишкой, на автобусе повисшим, хочу проехать утреним Парижем! Хочу искусства — разного, как я!».

Тут что ни слово — то параграф советского Уголовно-идеологического кодекса. Здесь и неуважение к советским границам (границам первого в мире социалистического государства), и космополитизм, и стремление в столицу капитализма — Нью-Йорк, прямо к американцам, и урон достоинства советского гражданина в буржуазной стране (как мальчишка виснет на автобусе), и потеря бдительности (шатание по Лондону и разговоры «со всеми»), и буржуазный индивидуализм в искусстве на почве идеализма и эгоцентризма («Хочу искусства разного, как я»).

Нет, это не ортодоксальный ревизионизм, не марксистское мышление и не возврат к строгим идеям Ленина. Это что-то совсем другое.

Поэтому неудивительно, что один из соредакторов «Литературной Газеты», Солоухин, в статье «Без четких позиций», отказал Евгению Евтушенко во всех его требованиях и правах.

Теперь, возвращаясь к вопросу об удельном весе каждой из ревизионистских групп, мы получаем более правильную перспективу.

● Группа **ортодоксальных** ревизионистов, критикующих советское сегодня с точки зрения марксистского вчера, не сходя с идеологической платформы марксизма-ленинизма, занимает, очевидно, в советском стихийном ревизионизме **довольно скромное место.** Это, повидимому, только тонкая пленка на теле советской молодежи, отсвечивающая всеми цветами марксистской радуги, но находящаяся снаружи, и потому бросающаяся в глаза поверхностному наблюдателю.

● Вторая группа — **субъективных** ревизионистов — которая в своей критике идеологии и режима выходит за положенные себе рамки, и представителями которой я назвал бы, например, Дудинцева и того же Каверина, — осу-

ждена на поляризацию и **распад**. Та ее часть, которая создает объективные результаты своих субъективных намерений, перекоцует в лагерь формальных ревизионистов. Те, кто испугаются своих выводов, вернутся к ортодоксальному ревизионизму.

● **Наиболее весомой и обширной** является, вероятно, третья группа, — группа **формальных** ревизионистов, пользующихся ревизионизмом только как формой. Позиции, с которых они ведут критический обстрел, расположены далеко вне идеологии, на которой покоится советская система.

Наконец мы можем перейти к **общим выводам, что будет** одинаково приятно как слушателям, так и докладчику.

В Советском Союзе есть много явлений, которые повинуются **закону маятникообразного движения**. Эти процессы имеют различную, иногда большую амплитуду. Сильный размах такого маятника, пришедшийся на послесталинский период, может быть принят за нечто новое, за проявление хрущевского ревизионизма и либерализма. Но если внимательно проследить происхождение таких явлений, то нетрудно установить, что это только закономерные колебания, издавна присущие внутренней жизни советского государства.

Это только маятники, отстукивающие «так было, так будет».

Явления такого порядка лежат **вне** ревизионизма.

Ответ на центральный вопрос, поставленный в начале моего доклада — дают ли проявления современного советского ревизионизма основание допустить возможность политической эволюции в СССР, т. е. демократического перерождения коммунизма, — приходится расчленить.

Возвращаясь к образу, взятому мной во вступлении, следует сказать, что **правительственный ревизионизм** и реформизм «коллективного руководства» — **типичная флюктуирующая изменчивость**. Это материал бесполезный для эволюционного процесса. Если спокойно рассмотреть факты, именно факты, то нельзя не заметить, что официальные ревизии и реформы теперешнего советского правительства, дей-

дя до известной грани, неизменно возвращаются вспять, подобно приливам и отливам.

В статье Тайгина, отчасти Хука, и многих других, указывается на опыт Польши, как на некий прообраз возможного будущего СССР.

Но при этом забывают, что **положение в Польше, это не будущее, а прошлое Советского Союза.** Это Советский Союз середины двадцатых годов. Конечно, обстановка сейчас совсем иная. Поэтому процесс воплощения коммунистической идеи в жизнь несколько задержался, топчется на месте, и у Польши, вероятно, иное будущее, чем у СССР. Возможно, что коммунизм в Польше навсегда останется инфантильным. Но предполагать, что окостеневший и старый советский коммунизм может перейти в «польское состояние», т. е. вернуться вспять, к давно пройденным этапам, так же странно, как верить в то, что пожилой мужчина, прошедший огонь, воду и медные трубы и наделавший много нехороших дел, способен снова превратиться в младенца, хоть и не отличавшегося никогда невинностью.

Личность Хрущева также не способствует подобным надеждам. Стоит прочесть хотя бы письмо Хрущева Бертрану Расселу, опубликованное в пятом номере «Коммуниста», начиненное такими выражениями, как «прочитав письмо Даллеса... у меня возникла мысль», «США расположены на значительном удалении от Советского Союза», «предпочитаю говорить резко, но правдиво, чем вежливо, но фальшиво», «неумолимый ход исторического развития», «монополисты», «горстка миллионеров и миллиардеров» — и прочими перлами, чтобы перед вами встал образ твердокаменного большевика, который хитрит, но ничему, по существу, не научился. Из приросшей к нему шкуры старого партийца Хрущеву выскочить так же трудно, как поднять себя за волосы. А это, как известно, Хрущеву особенно трудно.

Постоянные короткие ревизионистские рывки вверх, которые пробует хрущевское руководство, и столь же неизменное возвращение на реальную партийную почву говорит о том, что взлететь ему, повидимому, не дано. Если человек 22 раза подпрыгнул на один метр, то это не значит, что он затем перепрыгнет стену высотой в 22 метра.

Что касается **стихийного ревизионизма, идущего снизу**, то здесь есть одна группа, которая по выражению Хука, могла бы послужить «пунктом, из которого развернется эволюционное развитие». Это, конечно, 3-я группа **«формального ревизионизма»**. Но если такое развитие наступит и не будет разбито в самом начале, оно упрется в неподвижную скорлупу советской системы.

Говорить о том, что тогда произойдет, — значит выходить за рамки моего доклада.

Новые «властители дум»

Немецкий писатель Генрих Манн однажды сказал, что русской революции предшествовали сто лет духовной революции, осуществленной русской литературой от Пушкина и Лермонтова до Толстого и Горького. Действительно, русская литература и публицистика прошлого и начала этого века носила как правило гражданский характер, т. е. понимала свою задачу не только в плане искусства, но и в плане общественно-политических идей. Она была таким образом до известной степени политической литературой.

Последнее, конечно, только в том смысле, что критикуя в созданных ею художественных образах существующий общественно-политический уклад, русская литература пыталась противопоставить ему нового человека, создать духовно-этическую основу будущего общества. Тем самым русская литература и публицистика, особенно в XIX веке, подготовляла подобно деятелям просвещения во Франции веком раньше умы русского общества к политическому перевороту. Без созданного ею духовного фронта оппозиции режиму, пускай и весьма разношерстной по своим политическим убеждениям, и охватывающей от земских либералов до радикальных социалистов и анархистов бакунинского и нечаевского, а затем и ленинского толка, но единой в убеждении, что «так дальше продолжаться не может», не смогло бы произойти того почти молниеносного падения основанной на вековых традициях, но оказавшейся в решающий момент без духовных союзников монархии, какое пережила Россия в февральские и мартовские дни 1917 года.

То, что русская революция оказалась узурпированной и направленной по совершенно чуждому ей руслу коммунистами, не меняет сути дела: та же судьба постигла в известной мере, хотя и не столь трагически, и французских энциклопедистов. Вместо царства «свободы, равенства и братства», о котором они мечтали, разрушая философско-правовые и этические основы сословно-феодалного общества, Великая Французская Революция принесла террор якобинцев, военную диктатуру Наполеона и завершилась буржуазной монархией Луи-Филиппа и Наполеона III. Вместо «контра социаль» и «волон-тэ женераль» она принесла «код цивиль». Правда, кодекс Наполеона и власть «буржуа» привели в конце концов к современной демократии, чего коммунизм не собирается, да и не в состоянии осуществить, но это не меняет сути взаимоотношений духовных отцов как французской, так и русской революции к своему непосредственному детищу — и в том и в другом случае оно было не тем, каким они его себе представляли. К тому же необходимо, как мне кажется, помнить, что и русская революция еще далеко не закончена и заглядывая вперед, можно с уверенностью сказать, что идеалы русской литературы прошлого века не только еще живы в русском обществе, что они действуют и дальше на умы широких слоев населения Советского Союза, но что им предстоит еще сыграть немаловажную роль в деле создания духовных основ новой, послекоммунистической России.

Это небольшое отступление в начале моего доклада вводит нас, как мне кажется, непосредственно в проблематику современного положения интеллигенции на нашей родине и особенно той ее части, что связана с литературной и художественной деятельностью. В несравненно более тяжелых, — как духовно, так и политически — условиях тоталитарной диктатуры на долю российской интеллигенции и внутри ее в первую очередь на долю писателей, публицистов, художников, деятелей театра и кино, выпала по существу та же задача, что и на долю русских писателей и художников прошлого века — **быть совестью русского общества, выразителем его чаяний, глашатаем новых идей, а тем самым и духовным подготовителем антикоммунистической революции и создателем духовных основ будущего.**

Не случайно официальная партийная публицистика не только поносит на чем свет стоит фактически большинство

советских писателей, критиков и деятелей искусства, приклеивая им ярлык «нигилизма», но и с пеной у рта возмущается их претензией понимать себя как нигилистов прошлого века и играть в советской действительности ту же роль, какую играли русские нигилисты 60-х и 70-х гг. прошлого века. Современная творческая интеллигенция, оказывается, вполне отчетливо ощущает свою преемственность от «властителей дум» эпохи духовного пробуждения широких слоев русского общества во второй половине прошлого века. Обвиненная партийным руководством в «нигилизме» она сама начинает понимать себя как нигилистов в смысле тех общественно-критических и свободолюбивых, революционных идей, носителями которых были Писарев и Лавров, Чернышевский и Добролюбов, Некрасов и Никитин, Глеб Успенский и Короленко, Помяловский и Салтыков-Щедрин.

В современном советском обществе возникает как бы незримый духовный мост между «властителями дум» прошлого и настоящего. Как и в России вплоть до революции 1905 года возможности для формирования общественных и политических идеалов, для возникновения политических мнений и их распространения, были либо весьма ограничены, либо вовсе отсутствовали, так тем более — и в несравнимо большем объеме — теперь, в условиях тоталитарной диктатуры, где политические идеи являются монополией партии или обречены на подпольное существование, литература и искусство, а отчасти и некоторые отрасли общественных наук, как политэкономия, история и право, вынуждены принять на себя задачу **быть** выразителем подлинных настроений народа, его отношения к власти, **быть** кристаллизатором его чаяний и создателем духовных основ будущего общества.

Как показали последние годы, а особенно бурный 1956 год, начавшийся развенчанием Сталина и кончившийся венгерской революцией, русская интеллигенция и в первую очередь русская литература приняли на себя эту роль. Ведь без дискуссий вокруг произведений писателей и поэтов, вокруг проблем литературы и искусства не могло возникнуть то политическое движение, направленное против коммунистического режима, которое прорвалось наружу (правда не в Советском Союзе), а в Польше и особенно в Венгрии, но по существу охватило все страны коммунистического блока и пока завершилось грандиозным выступлением китайской интеллигенции в

июне и июле прошлого, 1957 года. Дискуссии в клубе Петефи подготовили венгерскую революцию, а дискуссии польских писателей и художников — польский октябрь. Это именно так напугало коммунистическое руководство и привело к новому удушению литературной и художественной мысли в течение прошлого и этого года. В июньском номере журнала «Коммунист» за 1957 г. сказано весьма недвусмысленно:

«К каким последствиям может привести забвение ленинской принципиальности в вопросах руководства литературой и искусством, показали события в Венгрии. Либерализм в отношении демагогов, проявленный бывшим партийным руководством, привел к тому, что часть писателей нанесла огромный ущерб идеологической работе в Венгрии и способствовала подготовке контрреволюционного мятежа.»

Партийное руководство неспроста взволновано не на шутку. Оно прекрасно понимает, что то, что стало вчера реальностью в Венгрии и отчасти в Польше, может завтра стать реальностью в самом Советском Союзе. Ведь именно здесь раздались первые критические голоса осенью 1953 г. и не случайно весь период духовного пробуждения последних лет получил свое название — «Оттепель» — от повести Ильи Эренбурга, ставшей как бы программой критической оценки действительности и поисков нового.

То, что революционные взрывы произошли не в СССР, а на периферии, конечно, не случайно. На это имелся ряд причин, вытекающих из специфики стран-сателлитов, останавливаться на которых я не могу, поскольку это вышло бы далеко за рамки моей темы. Отмечу лишь, что здесь решающим моментом для перерастания недовольства режимом в революцию было восприятие народами стран-сателлитов коммунизма, не только как неприемлемого для них политического, общественного и экономического порядка, но и как навязанной насильно **извне системы**. Антикоммунистическая революция слилась здесь воедино с революцией национально-освободительной. В Советском Союзе дело обстоит иначе. Здесь центр тяжести лежит на социальной, а не на национальной революции.

На этом вопросе мы должны по моему остановиться. Необходимо попытаться хотя бы в общих чертах уяснить себе су-

щность того революционного процесса, что происходит у нас на родине. Без такого, — назовем его, дабы не вызывать лишних споров, рабочей гипотезой, — анализа общих тенденций революционного процесса, **невозможно оценить ни значения духовного бунта советской интеллигенции**, ни его перспектив, ни тем более вытекающих из него задач, стоящих перед эмиграцией в плане общей борьбы с коммунизмом.

Дело в том, что мы к сожалению, как правило, мало задумываемся над сущностью и внутренней динамикой общественных процессов, происходящих в СССР и тем самым лишаем себя возможности последовательно развивать стратегию и тактику борьбы с коммунизмом. По сути дела мы чрезвычайно упрощаем происходящее, говоря об антагонизме и борьбе **народа и власти**. В плане отвлеченной метафоры, в плане общей характеристики — это, конечно, в какой то степени верно. В то же время схема **власть — народ представляет собой** серьезную помеху для правильной оценки конкретной политической ситуации в Советском Союзе, чрезвычайно упрощает ее, делает почти невозможным ведение политической борьбы с режимом. Мы невольно попадаем в положение народников прошлого века с их «хождением в народ», кончившемся, как известно, выдачей «ходоков» тем же «народом» властям. **Ведь народ это не единое целое?**

Да и как провести границу, где кончается «народ» и где начинается «власть»? Разве активист-комсомолец, выступающий на колхозном собрании с требованием урезать или вовсе отнять от того или иного колхозника приусадебный участок, — это власть? Или пишущий «Оттепель» и статью о творчестве Марины Цветаевой Илья Эренбург — **это народ?** Уже из противопоставлений этих двух, вырванных из бесконечного множества подобных вопросов, показывает всю абсурдность слишком общего противопоставления власти и народа.

Дело дошло до того, что некоторые теоретики из наших рядов не так уже и давно пытались доказать, что по существу, в плане отдельных личностей, или социальных групп, никакой «власти» в конце концов и не существует; что даже на верхах диктатуры стоят люди, у которых, — стоит только слегка отколупнуть их коммунистическую скорлупу, — как под ней сразу же обнаружится «народная» сердцевина, так сказать «зablудшая», потерявшая ориентацию, но в принципе способная к «перерождению». Получалось по принципу —

каждый Кудеяр есть потенциальный Питирим. В плане спасения души, в плане богословском, это, вероятно, весьма уместно, но вот в области политики сие уже никуда не годится. По такой с позволения сказать, теории получается, что носителем системы является сама система, принцип тоталитаризма, за которым никаких живых сил в конечном счете и нет. Стоит дескать сказать — «сгинь нечистая сила, пропади пропадом дьявольское навождение», вот она и исчезнет, как будто ее и не бывало. В действительности же этот самый «принцип» весьма успешно сажает не только инакомыслящих, но и вообще всех, могущих оказаться ему «потенциально» враждебными в концентрационный лагерь, а если это ему нужно, то и стреляет не только в отдельную личность, но даже по целым народам. Куда ни поверни, по схеме власть — народ ничего путного на практике получить не может.

Осмыслить незаурядные события, происходящие на родине, разобраться в клубке подчас противоречивых фактов, можно, как мне кажется, только в том случае, если мы углубим противопоставление власть — народ в смысле социологического анализа того огромного преобразовательного процесса, который переживает наша родина по крайней мере последние пятьдесят-семьдесят лет своей истории.

Преобразовательный процесс, который я имею здесь в виду, это российская социально-экономическая революция, чьи духовные корни уходят в начало прошлого столетия, когда под влиянием идей Великой Французской революции и нового интенсивного соприкосновения с Западной Европой в ходе наполеоновских войн началось культурное и политическое становление русского общества.

Анализировать революционный процесс и его историю — здесь, конечно, не место. Но для понимания современности необходимо уяснить себе, что в основе российской революции был заложен социальный, а тем самым и экономический конфликт между насущными потребностями развития страны и существовавшим общественно-политическим укладом. Задача революции сводилась поэтому к обеспечению предпосылок для развития русского общества и для бурного роста отечественного хозяйства. Необходимо было стереть сословные разграничения и открыть возможно беспрепятственный выход «на верхи» для всех талантливых и энергичных элементов нации. В плане экономическом стало неизбежным предоста-

вить возможность для беспрепятственного развития как отдельному крестьянскому двору, так и всему народному хозяйству в целом. **Россия должна была сделать решительный шаг, чтобы стать крупной промышленной страной с соответствующим правовым, политическим и социально-общественным укладом.**

Большевики узурпировали этот процесс и направили социально-экономическое развитие России по совершенно чуждому внутренней динамике этого процесса руслу. Не действительно созревшие внутри русского общества и русского хозяйства предпосылки нового уклада жизни были взяты за основу нового общественного порядка, а отвлеченные, чисто умозрительные схемы, безапелляционно, к тому же, объявленные «напреложными законами исторического развития».

Будучи, таким образом, паразитами чуждого им по своей сущности процесса, большевики в то же время не могли «снять» (в смысле диалектического прыжка) объективно стоящую перед Россией задачу превращения в индустриальную страну. Вся дальнейшая история России, потерявшей с ноября 1917 г., свой прежний государственно-национальный характер и обретшей новое идеологически-державное воплощение — **Союз Советских Социалистических Республик**, — не может быть понята без учета **непримиримого противоречия между политической системой однопартийной диктатуры и практической задачей создания высокоразвитого индустриального государства.**

Теория о «законности» тоталитарной системы, допускающей только одну политическую волю, а потому и одну партию, как известно, логически вытекает из марксовской схемы исторического развития и из «обобществления орудий и средств производства». Но одно дело теория, а другое — жизнь. Создание высокоразвитого индустриального государства предопределяет возникновение отличных по своему положению, а тем самым и по своим интересам групп общества. Чем более совершенна индустриализация страны, тем дифференцированнее и общество, — ибо не собственность, а разделение труда в современном производительном процессе порождает деление общества на различные группы. Различие групп, а тем самым — и интересов, предопределяет, в свою очередь, наличие ряда политических течений. Со своей стороны задачи экономического развития не могут быть разреше-

ны из одного центра; они властно требуют возможно полного отделения политики от экономики.

Рентабельность производства, естественное накопление капитала для постепенного расширения этого производства, увеличение внутреннего рынка, как предпосылки для роста накопления и т. д. — предполагают независимость хозяйства и ориентацию его на имеющиеся возможности и потребности через рынок, а не на директивы политического центра, якобы владеющего секретом «единственно возможного» пути исторического и хозяйственного развития.

Высокоразвитое индустриальное государство исключает «бесклассовое общество», независимо от господствующих в нем правовых норм в отношении собственности на «орудия и средства производства». «Бесклассовое общество» мыслимо разве что в условиях патриархальной земледельческой общины типа государства инков в Перу. Диалектический же «прыжок» из условий, доведенного до пределов мыслимого, индустриализма в «бесклассовое общество», как это представлял себе Маркс, остается гипотезой, уместной, к тому же, не столько в сфере научного анализа сколько в сфере спекулятивных верований.

Так подлинная социально-экономическая революция, так внутренняя динамика хозяйства поднимаются против коммунистического эксперимента, делают его обреченным на непреодолимые внутренние противоречия.

Именно этот фактор — неизбежность сочетания противоречащих и даже по своей сущности исключających друг друга процессов: с одной стороны — процесса создания тоталитарной диктатуры, а с другой — процесса естественного развития т. е. невозможность создания тоталитарной системы без учета конкретной реальности (а, стало быть, и без учета российского революционного процесса, в корне **чуждого** коммунизму) — определил все дальнейшее развитие Советского Союза.

В полном соответствии с доктриной «пролетарской революции» и с задачей создания тоталитарной системы большевики радикально нивелировали социальную структуру русского общества. Вместо устранения преград для естественного формирования социального уклада России в соответствии с общим развитием страны, — так ставилась эта задача российской революцией, — они свели общество к аморфной рабоче-крестьянской массе, в которой потонули оставшиеся в живых

представители «имущих классов» прошлого и тонкая прослойка трудовой интеллигенции.

Уже в первом десятилетии существования советской власти верхушку старого общества сменил новый правящий слой — партийная бюрократия. Захватив власть, ленинская партия «профессиональных революционеров» в очень скором времени превратилась в аппарат политического управления и контроля над страной и народом. Иерархия партии, ее «демократический централизм» приняли государственные масштабы, переросли в систему. Дореволюционный сословно-бюрократический слой оказался замененным централизованной до предела политической олигархией. Господствующим стал «новый класс», как назвал его Милован Джилас, принадлежность к которому определяется вхождением в институцию партийного аппарата и аппарата «смежных органов». В руках «нового класса» сосредоточилась вся полнота государственной власти, (политическая монополия), руководство производством, распределение продукции между другими членами общества и тем самым все привилегии, связанные с господством.

Однако, создавая систему тоталитарной диктатуры, «новый класс» оказался не в состоянии предотвратить возникновение других руководящих групп общества, не смог предотвратить его расслоения. Бесчеловечно «перегнув» задачу социального переустройства России, он в то же время был вынужден открыть выход «на верхи» мыслимо широкому кругу людей из всей толщи народных масс. Приняв одновременно к исполнению для усиления своей мощи — в первую очередь внешнеполитической — программы индустриализации, «новый класс» партийной бюрократии невольно сделался исполнителем и другой задачи, поставленной российской революцией, — превращения России в передовую индустриальную страну.

Индустриализация страны, хотя и «нейтрализованная» — в плане российской революции — коллективизацией и осуществленная типичными для советской системы методами, невольно повлекла за собой дифференцирование общественного уклада. На смену временному расслоению эпохи НЭП'а, расслоению, вытекавшему из развития и укрепления единоличного крестьянского хозяйства, мелкого предпринимательства и торговли, пришло, ежедневно углубляемое разделение труда, расслоение общества на социальные группы

в соответствии с местом, занимаемым тем или иным лицом в общем производственном процессе.

Уже на третьем году первой пятилетки стало очевидно, что без дифференцированной оплаты труда невозможно построить не только «социализма», но и просто мало-мальски нормально функционирующее хозяйство. Уничтожение «уравниловки», введение оплаты труда соответственно важности той или иной деятельности для производственного процесса, поощрение рублем специалистов, — от рабочего до деятеля науки, — было днем рождения того своеобразного общественного уклада, который получил мало соответствующее его действительной сущности название — «советское общество».

По своей структуре это новое общество существенно отличается от характерных для индустриальных стран Европы и Америки социальных формаций. Критерием социального положения в Советском Союзе является не собственность, не капитал, а функция, выполняемая человеком в общественном процессе производства. В зависимости от занимаемой должности, от «номенклатуры», определяется социальное положение, материальное благосостояние и влияние данной личности на политическую, экономическую или культурную жизнь страны. Вместе с потерей должности меняется и социальное положение члена «советского общества», причем принадлежность к правящей партии само по себе не компенсирует утраченную позицию внутри партийного, государственного, хозяйственного или иного аппарата. Исходя из структуры «советского общества», его можно наиболее точно характеризовать, как **функционально-сословное общество**.

Несмотря на все различия между «советским» и индустриальным обществом на Западе, между ними есть и сходные моменты. Если мы оставим верхушку советского общества, — «новый класс», — правящую партийную бюрократию, то мы увидим, что и в СССР, как и в любом индустриальном государстве, наиболее видную роль внутри общества играет обширная социальная группа, называемая на Западе «предпринимателями» или «дельцами» (в самом широком понимании этих понятий). Конечно, советские «предприниматели» и «дельцы» работают не на собственных предприятиях, не в собственных конторах и учреждениях. Но по

роду своей деятельности, по характеру своих ежедневных обязанностей они выполняют ту же функцию, что и предприниматели-дельцы «капиталистического общества». Часть советского общества, состоящая из хозяйственников, технической интеллигенции, работников аппарата промышленности, торговли, транспорта, а так же государственных учреждений, насчитывает в настоящее время от 12 до 15 миллионов человек. Без их повседневной деятельности не могли бы функционировать ни советское хозяйство, ни советское государство. И уж совсем сходные с другими индустриальными государствами функции выполняют сотни тысяч и миллионы учителей и работников здравоохранения, десятки тысяч научных работников, деятелей литературы и искусства.

Именно возникновение этого сословно-функционального общества с его мощной прослойкой «деловой интеллигенции» представляет собой тот решающий фактор, который предопределил дальнейшее развитие советской системы и привел, в конце концов, к тому кризису коммунизма, который мы наблюдаем в настоящее время. Чем больше советская пропаганда тужится доказать «бесклассовый» характер советского общества, тем очевиднее становится тот факт, что в ходе индустриализации «новому классу» партаппаратчиков, правящей партийной олигархии противопоставилось новое общество с сильным, впитавшим в себя все талантливые и способные элементы нации, слоем «деловой интеллигенции».

Такое противопоставление общества партаппарату вполне закономерно. Новый ведущий слой общества гораздо крепче внутренне связан с российским революционным процессом, чем узурпировавший этот процесс партаппарат. Задачи развития экономики, управления страной и культурного воспитания — по своей сущности назависимые от коммунистической системы — значительно ближе той части общества, которая повседневно занимается их практическим претворением, чем «новому классу» партийной бюрократии. Роль «нового класса» целиком отрицательная.

Весь насущно необходимый для нации процесс экономического и культурного развития коммунисты направили по чуждому этому процессу руслу, исказили его. И получилось, что хозяйственные, административные и культурные

задачи, в силу присущей им внутренней динамики, ежедневно и ежечасно наталкиваются на ограничительные, мешающие нормальному их развитию рамки системы однопартийной тотальной диктатуры. Вольно или невольно общество становится в оппозицию к существующему порядку, а тем самым — и к носителю системы, — партийному аппарату, и это не только субъективно из протеста против бесчеловечного, удушающего всякую свободу режима, но и объективно, согласно всему ходу деятельности общества. И это особенно важно, **ибо субъективный протест, не опирающийся на объективные процессы, обычно не может перерости в политический переворот.**

Чем сложнее становились в Советском Союзе экономические, административные и культурные задачи, чем больше — вместе с расширением индустриализации страны — принимали они самодовлеющее значение, тем отчетливее выявлялся и паразитарный характер диктатуры партаппарата. С приходом молодого поколения специалистов вообще стала проблематичной необходимость партийного руководства и повсеместного партийного контроля, поскольку отпала и последняя, сшитая белыми нитками, причина дальнейшего осуществления «всевидящего ока партии» — наличие «классово-чуждого» элемента в руководящем аппарате всех отраслей жизни страны.

Незаметно, как бы миллионами подземных ручейков, несмотря на все преграды пробивающих себе путь к общему потоку, на поверхность социальной действительности пробилась новые тенденции, возникло новое положение. На следующий же день после смерти Сталина стало совершенно очевидно, что в стране вырос, окреп и превратился в потенциальную политическую силу, хотя и не имеющую еще ясной ориентации, слой общества, по своему положению в жизни страны в конце концов совершенно не связанный с идеями и целями коммунистической «революции».

Поставленная российской революцией задача социальной перестройки общества оказалась не благодаря коммунистическому руководству, а вопреки ему, фактически выполненной, с той только существенной разницей, что вместо общества, в соответствии с ходом всесторонней индустриализации страны в условиях права и свободы, «советское общество» складывалось в условиях тоталитарной диктатуры,

на базе искусственного, противоречащего интересам страны экономического уклада и противоестественного политического режима.

Как в свое время якобинцы во имя «законов чистого разума», всеобщего «благополучия», «равенства» и «свободы» узурпировали — правда, только на короткий срок — революцию французского «третьего сословия» и превратили ее в арену террора и произвола, так и большевики узурпировали российскую революцию, дав ей толчок в ту же сторону, что и якобинцы, но с «поправкой» на возможности современной техники, на методы руководства массами и с «поправкой» на выводы из опыта революционных движений прошлого.

Конечно, исторические параллели и сравнения всегда хромают, и между якобинцами и большевиками, пожалуй, не меньше различия, чем общности, но в ходе революционных процессов как те, так и другие, действительно играют во многом сходную роль.

В дореволюционной России не было достаточно крепкого «третьего сословия». Имелись только слабые зачатки будущего, не обладавшие ни ясностью политических идей и целей, ни достаточной экономической силой. Ни русская буржуазия, ни русское крестьянство не оказались способными возглавить революцию, поскольку, хотя и малочисленные, но политически активные элементы общества сосредоточились в кругах радикальной интеллигенции, стоявших под влиянием социалистических идей. Российская социальная революция стала действительностью, когда будущее общество наличествовало только в потенции. Предстояло создать это общество, вернее, обеспечить предпосылки для его возникновения. Не «третье сословие» было в России носителем революционного процесса, а потребность в его формировании, т. е. в формировании нового уклада общества.

В результате большевистского переворота новое общество сформировалось совершенно иначе и получило ряд специфических черт, никогда бы не возникших при нормальном прохождении российской революции. Но оно все таки стало реальностью. Тем самым, хотя и превратно, одна из задач, поставленных революцией, оказалась выполненной. «Якобинская» диктатура большевиков, с самого начала противоречившая смыслу и целям революции, превратилось теперь

в реальное препятствие, но не для общества, которое еще должно возникнуть в ходе революции, как это было в 1917 году, а для общества уже возникшего, пускай и в уродливых, противоречащих внутренним духовным, политическим и экономическим, — закономерностям нормально функционирующего индустриального общества, условиях и формах.

Именно это противоречие между реальной действительностью общественно-экономического уклада и политическим господством «нового класса», существовавшее, конечно, и до смерти Сталина, но подспудно, в потенции, стало политической реальностью на следующий же день после смерти диктатора. Российская революция вступила теперь в новую фазу, которую, пользуясь условной исторической параллелью, можно охарактеризовать как **«канун Термидора»**.

Другими словами, сущность современной социально-политической ситуации в Советском Союзе заключается в наличии возникшего в ходе революции ведущего слоя общества, фактически руководящего всею жизнью этого общества и наталкивающегося, в процессе переростания в ведущую силу нации, на политический режим, возникший в ходе революции, но противоречащий как ей так и интересам общества, а так же на носителей этого режима — на «новый класс» — партийную бюрократию. Все попытки коммунистического режима, все планы и панацеи хрущевского руководства предстают под этим углом зрения как попытки предотвратить наступление «Термидора». Постоянные зигзаги «генеральной линии», новые и новые мероприятия — от кукурузы до продажи машин колхозам — доказывают только одно, что у партийного руководства, что у «нового класса», нет по существу средств уничтожить существующее противоречие и навсегда предотвратить «термидор».

Как показали пять лет, прошедших после смерти Сталина, у партийной верхушки **уже** нет, а у ведущей части «советского общества», у деловой интеллигенции, **еще** нет концепции о формах политического, государственного, общественного и экономического устройства, соответствующего реальному положению в стране и чаяниям всего народа. Но, как говорится, чего нет сегодня, то может стать действительностью завтра. Канун «Термидора» начинает перерастать в «Термидор».

Как мы уже указали раньше, подобный анализ основных тенденций общественно-политического процесса в Советском Союзе не может претендовать на полную «правильность». Это — рабочая гипотеза, но как нам кажется, гипотеза, **помогающая** разобраться в происходящем, и позволяющая определить не только вес и революционное значение тех идей, которые были выдвинуты в последние годы советской интеллигенцией и особенно творческой ее частью, но и дающая нам возможность помочь мыслящим и чувствующим свою ответственность за судьбы России людям у нас на родине. Помочь в том смысле, чтобы стать их благожелателями партнерами в дискуссии о судьбах России, помочь им ориентироваться в происходящем, договориться за них то, что они не могут сказать в условиях тоталитарной диктатуры, обобщить результаты такой дискуссии в программу борьбы за свободу, и показать им перспективы борьбы.

Кроме того, — и это кажется мне не менее важным, — выдвинутая нами концепция переплетения двух революций — подлинной, российской социальной революции и коммунистической псевдо-революции, — надо даже сказать — контр-революции, — дает возможность вразумительно ответить на вопрос, почему в Советском Союзе до сих пор не вспыхнула освободительная антикоммунистическая революция. После Берлина, Познани, после польского Октября и особенно после венгерской революции этого одним террором, слежкой и концентрационными лагерями не объяснишь.

Возможно, что в Польше и в Венгрии террор и доноительство были хуже организованы, чем в СССР, хотя я в этом очень сомневаюсь, но вот что касается Советской зоны Германии, то здесь мы можем с полной ответственностью заверить, что там и террор и слежка, и пропагандная обработка, и экономическое принуждение поставлены с подлинно «немецкой» методичностью. И это все же не смогло предотвратить 17-го июня 1953 года. А почему подобных событий, если не считать восстаний в лагерях, не произошло в Советском Союзе? Ведь это только какой-нибудь наивный или уже «сверхсознательный» западный журналист может утверждать, что «русские, де приняли коммунизм». Мы то все прекрасно знаем, что это не так, что наш народ так же мало «принял» коммунизм как и венгры, поляки или немцы.

И вот поэтому нам и кажется, что единственно возможным, могущим претендовать на известную солидность и к тому же несущим в себе программу действий объяснением, может быть вытекающее из всего развития, как дореволюционной России, так и Советского Союза, утверждение, что революция не вспыхнула там до сих пор потому, что до последнего времени в СССР отсутствовали необходимые для освободительной революции политические, социальные и экономические предпосылки. До сталинских панацей с «преобразованием природы», до хрущевской кукурузы и целины, до его судорожных попыток через совнархозы, через механизацию укрупненных колхозов и через подвешивание к идеологии — в целях ее «лучшего восприятия» — кусков масла, мяса и другой снеди, добиться укрепления власти партаппаратчиков, можно было еще думать, что власть действует как ей хочется, как ей подсказывает внутреннее развитие ее коммунистической псевдо-революции, а не как ей властно повелевают объективные условия.

В том то и горе Хрущева и окружающих его партаппаратчиков, что они уже не могут действовать так, как им бы хотелось, как этого требует задача построения коммунизма. Не подлежит сомнению, что реставрация сталинизма происходит у нас на глазах, однако до сих пор пока приходится конкурировать с Западом, пока Запад не занял примиренческой позиции к коммунизму — отсутствует и возможность путем новой «большой чистки» утвердить заново законченный тоталитаризм. Ведь для этого необходимо уничтожить всех инакомыслящих и так припугнуть остальных, чтобы снова возникла атмосфера страха, парализующего даже мысли. На практике подобная грандиозная волна нового террора ведет к падению производительности, к всеобщему замешательству, а затем и к застою. Экономика оказывается на годы дезорганизованной, и достижения военной промышленности сводятся на нет. Кроме того, как известно из опыта прошлого, новое «солнечное затмение» грозит его организаторам той же скоропалительной смертью, какая пришла в спасительный для всех «ближайших соратников» момент к «отцу народов».

Но власть не только не может уже целиком жить «по старому», она ведь не может жить и «по новому», ибо это означает для нее конец ее существования. Народные же массы

уже давно лелеют мечту о жизни «по новому» — и теперь они наконец не одни: вырос и окреп мощный слой советской деловой интеллигенции, который способен возглавить движение всего общества против ненавистного режима и ставшего, — не только по существу, но и в сознании миллионов людей — насквозь паразитарным «нового класса». И что особенно важно, ведущий слой готов к этому не только в интересах народа, но и в своих собственных интересах.

Нам могут возразить, что верхние слои деловой интеллигенции, хозяйственники, крупные чиновники, администраторы, научные работники и т. д., или, говоря дудинцевскими образами, все эти Дроздовы, Шутиковы и Авдиевы, совсем не революционная, а прежде всего консервативная сила, окопавшаяся в «граде Китеже», или точнее в «Китай-городе», под стенами Кремля. Сила, живущая только мечтой как бы спокойно и без экспериментов удержаться на достигнутом и боящаяся народного возмущения не меньше чем партийное руководство. Это в известной степени, конечно, верно. Подчеркиваю, в известной степени, ибо как раз из этого слоя советских сановников, почти сливающегося с целиком паразитарным «новым классом» партаппаратчиков, и рекрутируются те «кающиеся коммунисты», фигуры которых стали появляться в литературных произведениях 1954—1956 годов.

Наряду с Дроздовыми стоят Минаев из «Собственного мнения» Гранина и Суходолов из «Сонета Петрарки» Погодина, и Варыгин из «Поездки на родину» Жданова, и Василий Петрович, начальник масштабом помельче, в рассказе Нагибина «Свет в окне». Но дело даже не в этом. Субъективно Дроздовы и им подобные не хотят, конечно, никаких перемен, а до народа им не больше дела, чем самому Хрущеву. Но их основная повседневная деятельность это не идеология и не следствие и террор. Они поставлены руководить промышленностью, администрацией, сельским хозяйством. От успеха или неуспеха работы, возглавляемых ими заводов, шахт, учреждений, контор и т. д. зависит и их личная судьба. Успехи же могут быть достигнуты только тогда, когда удастся, — насколько это вообще возможно в условиях системы, избавиться от вмешательства политики в практическое дело, когда не установки марксизма-ленинизма, не соображения политической целесообразности, не стремление путем тех или иных экономических мероприятий достигнуть наибольшего поли-

тического эффекта, а внутренняя логика дела, общие во всем мире принципы рентабельного, осмысленного хозяйствования определяют работу того или иного предприятия или учреждения.

Роль верного сына и проводника линии партии несовместима по самой своей сущности с задачей руководителя конкретной деятельностью, если эта деятельность должна приносить хорошие результаты, несовместима с требованиями, которые предъявляет к человеку та или иная профессия, та или иная практическая задача. И это относится не только к простому инженеру, но и к советскому сановнику, если ему вверено партией руководство практической деятельностью в той или иной отрасли жизни страны. Ведь марксизм-ленинизм искусственен, в корне чужд действительности, — не говоря уже о его чуждости и больше того, враждебности, по отношению к натуре человека. Террором можно перекрыть, но не искоренить это противоречие. Поэтому, будучи даже субъективно консервативной, верхушка советской государственной, хозяйственной и иной бюрократии всем ходом своей деятельности попадает совсем уж не так редко в положение объективных противников режима.

Конечно, и Дроздовы и «кающиеся коммунисты» не демократы, а бюрократы. Но каким облегчением для всего народа, а главное — каким шагом вперед на пути освобождения России от коммунизма, была бы замена системы идеологического тоталитаризма и партийной диктатуры, системой прежде всего бюрократической, лишенной сковывающего все и вся железного обруча политической доктрины и «непогрешимости» партийного руководства! Даже военно-бюрократическая система была бы шагом вперед по сравнению с существующим. Ведь такая система рано или поздно, а скорее рано, чем поздно, развалилась, распалась бы, как и все бюрократические системы прошлого.

Тоталитаризм тем и держится, что его сковывает идеология, персонифицируемая «новым классом». Сломать монополию партийного аппарата на господство — это и есть как нам кажется самая первейшая задача на пути освобождения от коммунистической системы. На этом пути Дроздовы — субъективная, а не объективная помеха. И чем больше среди них появляется Минаевых и Варыгиных, тем легче с ними будет справиться.

То, что действительно является крупнейшим и пока еще неразрешимым препятствием на пути перестроения потенциального «Термидора» в настоящий «Термидор», а тем самым и в мощную всенародную антикоммунистическую революцию — это трудность, почти невозможность организации политического создания общества и превращения его в политическое мнение, в единую политическую волю широких народных масс. Даже достижения этой цели в рядах деловой интеллигенции, в рядах ведущего слоя общества — почти что невыполнимая задача. Дискуссия вокруг «культы личности» и доклада Хрущева на закрытом заседании XX партсъезда потому то так и напугала партийное начальство и была им, едва начавшись, скоропалительно свернута, что в ходе ее начало вырабатываться, принимать конкретные формы, становиться общим достоянием широких слоев населения общее политическое мнение.

Кристаллизация политических взглядов в ходе дискуссии могла привести к единству политической воли, направленной против руководства и это мнение так напугало партийную верхушку. На дискуссиях неожиданно выяснилось, что люди, раньше не решавшиеся обмениваться мнением о политике, будь то товарищи по работе, а тем более незнакомые друг другу люди, оказывается все время думали приблизительно одно и то же и только страх мешал им найти общий политический язык.

Если говорить языком исторической параллели, проведенной в начале доклада, антикоммунистической революции у нас на родине не хватает ее «энциклопедистов», то есть людей, которые выработали бы и сформулировали бы принципиальные положения критики системы, сделали бы их достоянием всего мыслящего слоя общества и тем самым с одной стороны разрушили бы идейные основы системы, ее идеологические, правовые, политические и экономические нормы, а с другой — создали бы духовные основы будущей России.

Именно в том то и заключается неизмеримая заслуга поэтов, писателей, критиков, — почти всей художественной интеллигенции Советского Союза, что в годы после смерти Сталина они приняли на себя эту задачу — быть обличителями настоящего и закладчиками — пускай даже только самых обших — духовных основ будущего. Что эта роль вы-

пала на долю именно русской литературы и русского искусства, совсем не удивительно. Принять на себя задачу критики системы и выдвижения положительной программы для будущего — фактически больше некому. Дело здесь, конечно, не во впечатлительности художников и писателей, чья нервная система особенно болезненно реагирует на окружающее, хотя и этот психологический фактор несомненно играет известную роль. Дело в том, что с одной стороны задача быть «инженерами человеческих душ», поставленная перед художественной интеллигенцией партийным руководством, несовместима с политическими требованиями того же руководства, а с другой — литература и искусство, несмотря на требование их полной партийности, все таки политическая «периферия». Здесь просто легче выступить против того или иного явления, прикрываясь задачами искусства и литературы и не касаясь как бы вопросов «высокой политики». Тем более, что в искусстве и литературе постоянно возникает противоречие между данным художественной интеллигенции партией заказом и возможностями его осуществления.

Искусство и литература ведь тогда только и действенны, когда они затрагивают действительные чувства, отражают методами искусства жизнь, дают какой-то свой, пускай и косвенный, но глубоко волнующий ответ, на те мысли, которые действительно владеют умами людей. Именно этого и добивается партия от искусства и литературы, но конечно в своих интересах, в интересах системы и «построения коммунизма». И вот тут то и наступает разрыв: если искусство волнует, если оно затрагивает сердца и умы людей, оно неприемлемо для партии. А так называемое «искусство», приемлемое партии, по существу не искусство, а передовица «Правды» в плоских картинках и напыщенных, ходульных образах. И оно, это псевдо-искусство, хотя и приемлемо для партии, политически не устраивает ее, поскольку оно не в состоянии оказать влияние на массы, осуществить свою «воспитательную» роль. Партия требует действенного искусства, требует волнующей массы литературы, а они не могут появиться, ибо то что волнует людей целиком, расходится с идеями и требованиями партии.

Эстетика, теория литературы и искусства, поэтому то и стали тем невралгическим пунктом, из которого началась духовная кристаллизация общества в Советском Союзе. На

первый взгляд, казалось бы, критики и писатели хотят того же, что и партийное руководство — хотят, чтобы литература и искусство стали бы действеннее, лучше выполняли бы поставленную перед ними задачу формирования «человеческих душ», а оказывается — здесь совсем другое. Может быть и сами того не замечая, советские писатели, критики и художники, ратуя за подлинное искусство, фактически выступают против основ системы, против диктатуры партии, против парализующего всякую духовную жизнь тоталитарного мировоззрения. Писатели и художники невольно становятся кристаллизаторами народных чаяний, выразителями происходящих в стране идейных, социальных, политических и иных конфликтов, а через выдвигаемые ими положительные образы — и пропагандистами идей будущего.

Особенностью последних лет является однако то, что в среде художественной интеллигенции появилось и получает все большее распространение сознание своей роли в процессе духовного освобождения народа и создания идейных предпосылок свержения коммунизма. Об этом недвусмысленно говорит не только ставший уже знаменитым «заговор молчания» советских писателей и критиков, но и отмеченное в начале доклада сознание своей преемственности от «властителей дум» прошлого века, от духовных вождей русской интеллигенции шестидесятых и семидесятых годов.

Захлебываясь от ярости некий Гус (— так и тянет при произнесении этого имени добавить на конце мягкий знак —) в журнале «Театр» за апрель текущего года так характеризует это сознание художественной интеллигенции своей преемственности от демократов прошлого:

«Характерная черта ревизионизма... состоит в том, что ревизионисты не предлагают никакой положительной прогр'а'м'мы и оперируют голым отрицанием, бесплодной критикой. Вот почему так подходит к ревизионистам кличка нигилистов и очернителей! Некоторые из них делают попытку протянуть нити от своего мелкобуржуазного и антиреволюционного нигилизма к благородному демократическому нигилизму революционеров 60-х годов. Но — это бесплодная игра словами, даже при всем иной раз внешнем сходстве этих явлений. Тут только лишь звуковая однородность термина и не более, а по существу,

наши современные горе-нигилисты представляют собой антиподов Базарова или Писарева. Ведь нигилисты 60—70-х годов, во-первых, отрицали отживший и упорно сопротивляющийся уничтожению строй и, во-вторых, у революционно настроенных нигилистов за отрицанием существующего так или иначе вырисовывалась программа того нового, рождению которого они отдавали свои силы и жизнь».

Партийный Гус(ь) не замечает, что дает точное определение роли «нигилистов» двадцатого века. Не замечает и того, что кажущееся ему только внешним сходство нигилистов прошлого и настоящего, в действительности является сходством по существу, а данная им характеристика царского режима куда больше подходит к коммунистической системе сегодняшнего дня. Между прочим, необходимо так же отметить, что и с положительной программой у «нигилистов» обстоит совсем не так плохо, как это пытается убедить своих читателей партийный Гус(ь). В следующем же абзаце он пишет:

«А наиболее последовательные и крайние из нынешних «нигилистов», если имеют где-нибудь под спудом положительную программу, то они ее скрывают из опасения быстрого разоблачения, ибо это — программа, которая не ведет вперед, а тянет назад, программа пресловутой «чистой демократии».

Оказывается программа то есть! Да еще какая — демократическая! Что они ее не показывают, особенно товарищу Гус — (согласно утверждения Гладкова сию фамилию полагается тоже склонять и тогда получится, что-то вроде Гусу или опять таки Гусю) — и так то, что нигилисты своих программ товарищу Гусу не показывают, то это вполне понятно. Но как видите, он и сам догадался — **за «чистую демократию» оказывается ратуют новые нигилисты!** Но вот никак, вероятно, не удалось бы доказать злополучному партийному критику, что нигилисты прошлого века — скажем упомянутые им же Базаров и Писарев, боролись за то, что называется «высшей формой демократии», т. е. за советскую систему.

К вопросу о «чистой демократии» мы еще вернемся. Вернее, он невольно сам встанет, если мы попытаемся ответить на вопросы против чего и за что конкретно выступает интеллигенция, выступают писатели, критики, художники? Чего

добиваются, за какие идеалы и принципы борются они? Какие мысли и чаяния народа преломляются в их творчестве? Да и кто же они, эти новые «властители дум», те к кому прислушиваются широкие круги образованной части народа и особенно молодежь?

Ответить на эти вопросы не так легко. С одной стороны, потому, что многое из сказанного художественной интеллигенцией за последние годы сказано так сказать «иносказательно», выражено символами, намеками. С другой — потому, что нет в Советском Союзе институтов для изучения общественного мнения, нет объективной информации даже о тех жалких дискуссиях, которые велись и ведутся на так называемых «читательских конференциях», каковые согласно плана культурно-массовой работы устраивает каждая библиотека, каждый клуб. (Не говоря уже о том, что подлинное мнение читателей услышать на таких конференциях почти невозможно, поскольку хорошо научились говорить наши соотечественники в таких случаях именно то, что «полагается». Вспомним для примера, хотя бы яшинские «Рычаги».)

Пожалуй, наиболее верным методом узнать, что думают наши соотечественники, в чем видят идеалы для жизни, к кому прислушиваются и в ком видят своих духовных вождей, это — внимательно вчитаться в брань официальной критики по адресу писателей, поэтов, литературных критиков и художников. Сравнивая подвергнутые ожесточенному поношению партийными заповедями от искусства и литературы произведения и критические статьи с направленной на них критикой защитников «принципа партийности» и метода «социалистического реализма», становится многое ясно. . .

Перечитывая наиболее значительные повести, рассказы, пьесы, стихи и поэмы, критические статьи и романы последних лет, подвергнутые остракизму со стороны партийного руководства, прежде всего бросаются в глаза две тенденции, встречающиеся в том или ином обличии в каждом из этих произведений. **Прежде всего поэты, писатели, драматурги и критики требуют правды, правды изображения действительности, правды чувств, правдивости и честности к самим себе к своему творчеству. Право на правду — вот тот лейтмотив, который можно прочесть между строк, а нередко и в самих строках, произведений художественной интеллигенции. Дру-**

гое — это стремление противопоставить лжи и сознательному обману, противопоставить фальши приказанных свыше «норм» — **живого человека**, чистое человеческое чувство, этический кодекс подлинного человека, а в плане эстетики, в плане теории искусства и литературы — тысячелетние законы искусства, свойственную ему внутреннюю логику правды и гуманизма.

И что пожалуй с политической точки зрения особенно значительно, — изображая правду жизни и правду чувств, поэты и писатели невольно, а иногда и вольно, — противопоставляют народ системе. Смежные по существу проблемы правды и любви получают трагическое разрешение. Борющийся за правду и за подлинную любовь человек — трагическая фигура в литературе и поэзии последних лет. И это не случайно: трагичность образа встает как бы сама собой из противопоставления человека и его чаяний, его стремления к любви, правде, к свободе, — окружающей действительности, т. е. по существу системе.

Призыв к правде, отказ от какого-либо дешевого компромисса звучит особенно задорно у молодого поэта Евтушенко, своей поэмой «Станция Зима», выдвинувшегося в первый ряд популярных поэтов и писателей:

**Чего хочу? Хочу я биться храбро.
Но так, чтобы во всем, за что я бьюсь,
Горела та единственная правда,
Которой никогда не поступлюсь.
Жить не хотим мы так, как ветер дует,
Мы разберемся в нашем «почему».
Великое зовет. Давайте думать.
Давайте будем равными ему.**

Или те, ставшие т. с. общим достоянием, строки из этой же «Станции Зимы»:

**Да, правда хорошо, а счастье лучше,
Но все-таки без правды счастья нет.**

А в повести писательницы Кабо «В трудном походе» школьники так рассуждают о необходимости правды во всем:

«— Я читать не мог, тошнило. (Замечу кстати, что это говорится о книге, награжденной Сталинской премией).

В самом деле, почему так получается: в книжке одно, а в жизни другое? Я у дяди в колхозе был этим летом: там колхозники три года ничего по трудодням не получают. Представляете? Вот о чем надо писать! Там в половине деревни в избах пусто. Надо писать, почему так получается, или не надо? Надо! А писатели вместо этого слюни распускают. Разнонятся, наболтают сиропа, читать противно. Нет, вы скажите мне, я серьезно спрашиваю: почему они правды не пишут?

— Пишут. Иногда. . .

— Спасибо — иногда! Я всегда хочу читать правду. Нам в жизни идти, должны мы знать жизнь или не должны?»

Требование правды, стремление жить соответствуясь с правдой кончается, однако, в советских условиях трагически. Павел Нилин в повести «Жестокость» вкладывает в уста комсомольца-чекиста Веньки Мальшьева такие слова:

«— Вот я тоже сейчас его спросил, (это Мальшев говорит о своем начальнике, согласным представить его к награде, но несогласным выполнить данное Мальшевым заключенным обещание) какая это политика и кому она нужна такая политика, если мы боремся, не жалея сил и даже самой жизни, за правду. За одну только правду! А потом позволяем себе вранье и обман. Он говорит, я тебя представлю к награде и всех представлю, а иначе нас, мол, не за что награждать. А я ему говорю: нет, вы лучше выдайте мне другие глаза, чтобы я мог смотреть на вас и не стыдиться. . . Нет я не могу теперь. . . Я в холуях сроду не был! Я никогда не стану холуем! Никогда!».

После этих слов Венька Мальшев пускает себе пулю в лоб.

Трагически кончается и любовь в советской действительности. Так происходит в «Сонете Петрарки» Погодина с любовью Суходолова к комсомолке Майе, и с любовью героини романа Галины Николаевой «Битва в пути» Тины Карамыш к инженеру Дмитрию Бахиреву. И тут же воистину вспоминается знаменитое — «среда заела». Любовь Суходолова к Майе и любовь Бахирева к Тине трагичны по той же причине, что и любовь Вронского и Анны Карениной — мораль,

мелкая мещанская мораль, прикрытая на сей раз не мнением «общества», а авторитетом партии толкает любящих к трагическому для них концу. И не беда, что теперь женщина поставлена на равные права с мужчиной, что она работает, что у нее не может возникнуть того чисто внешнего одиночества, какое играет такую видную роль в трагической развязке «Анны Карениной».

В советских условиях дело выглядит куда хуже: любящие не смеют даже показать своей любви, вынуждены встречаться в вонючих подъездах под прикрытием сумерек, как Бахирев и Тина, или вовсе не встречаться, как Суходолов и Майя. А если, не дай Бог, что-нибудь станет известно, то любящих начинают сразу же «прорабатывать» партийная или комсомольская организации.

Вот как например преломляется подобное собрание у поэта Севак в поэме «Нелегкий разговор»:

**Собрание шло часов примерно пять.
Все обсудили. Вынесли решение:
с тобою «отношения порвать».
Название-то какое — «отношенья»!**

И дальше:

**Все валится, ломается, все рушится,
а голова, как у обрыва кружится,
и ничего теперь уже не выправить...
Вот чьи-то лица из тумана выплыли,
Их много, лиц, насуплено, нахмурено.
Зеленый стол. Наспорено. Накурено.
О чем они? Пора уже не ранняя.
Повидимому, важное собрание.
Вот человек какой-то там стоит.
Он что-то, заикаясь, говорит.
Да это я... Попржнему любя,
я обещаю не любить тебя...
Как быть? Себя себе не разрешать
и ежедневно лгать благоразумно?..**

Ежедневная благоразумная ложь, соблюдение внешнего кодекса поведения, кодекса к тому же никем и нигде, казалось бы, не установленного, но возникшего как «железный закон» советского общества вместе с приходом «нового класса» к

власти. Горький был абсолютно неправ, предполагая в начале столетия, что победят Павлы Нилины. Победили Бессемёновы, но только в обличи Нилиных. «Мещан» Горького сегодня можно было бы, переменяв костюмы, сыграть, пожалуй, без купюр — получилась бы карикатура на современное общество. Мещанство и порожденное им скудоумие — вот то явление, на которое с особой яростью нападает интеллигенция у нас на родине и особенно молодая интеллигенция.

«... с мещанами воевать надо. Они даже коммунизм хотят видеть как мещанский рай. Покой, упитанность и ничегонедумание» —

так говорит один из персонажей «Сонета Петрарки» Погодина, а в другой сцене называет мещанином секретаря партийной организации строительства. А молодой, к сожалению временно умерший, критик Марк Щеглов в своей нашумевшей в Советском Союзе критической статье о «Русском Лесе» Леонида Леонова считает величайшим недостатком книги непоследовательное обличение мещанства, как основного отрицательного явления советской действительности. Не упоминая политики, но говоря как бы о ней, Щеглов пишет:

«К сожалению, именно в области науки, искусства, литературы складываются чаще, чем в других областях, возможности временного процветания и торжества «грацианщины». Здесь меньше определенности, меньше возможности быстро и убедительно отделить дело от безделья, подлинное знание — от самоуверенного невежества, подлинное новаторство — от карьеристской авантюры. Здесь легче формируются ложные авторитеты, подавляющие подлинную критику, и аргументами в спорах становятся не истины, не доводы, а ряд магических формул, пользуясь которыми грацианские делаются чуть ли не игом совести. И вот в такой стесненной обстановке Грацианский, неспособный выдержать в чистом поле настоящего боя, говорит уже от имени целого коллектива и судит, кто «наш», а кто «не наш». Это он то судит, несчастный душевный карла, самгинское семя!

В «ментализме» Грацианского (т. е. в разработанной Грацианским в молодости теории революционной борьбы, здорово смаживающей на ленинское — «чем хуже — тем лучше») Л. Леонов с содроганием запечатлел при-

способляемость мещанского индивидуализма, его вместительный диапазон — от мелкого пакощения до горячечной «левизны», до грозного арбитража над человеческим трудом, подвигом, трагедией. Агрессивный мещанин в жажде бессмертия и впрямь питается живой прометеевской печеню, дабы хоть цветом лица с ним сравняться . . .»

Щеглов за то негодует на Леонова, что он показал Грацианского как случай, а не как явление советской действительности, включив в биографию Грацианского сотрудничество с царской охранкой. Щеглов ставит сам себе вопрос — «удалось ли Л. Леонову изобразить не обреченность этого Грацианского-охранника, а того Грацианского — пореволюционного мещанина, еще совсем не старого по возрасту, усвоившего марксистскую фразеологию и изучившего все уязвимые стороны нашего обихода, позволяющие ему делать карьеру, не считаясь ни с чем больше?» И отвечает — «Нет, найдя подлинные черты этого Грацианского, высказав о нем немалую правду, Л. Леонов, непонятно почему, выразил великолепно, верный социально-психологический сюжетный конфликт через необязательную полудетективную интригу . . .»

Подводя итог сказанному, Щеглов заявляет: «Дело художественной сатиры осмеивать явления, а не личности, и не должность тут важна» и замечает «вспомним, кстати, что «человек в футляре», вместивший в себя дичь и гнет «безвременья», — это всего лишь учитель Беликов, «унтер Пришибеев» — отнюдь не шеф жандармов, а Тартюф — во всяком случае не кардинал».

Система, а не должностные лица виноваты в том, что происходит — вот смысл этого разбора Марком Щегловым центрального отрицательного героя романа Леонова, тем Щегловым, что на заре «оттепели» без обиняков сказал: — «Наша действительность порождает зло». Поэтому то и стало нарицательным после появления романа Дудинцева слово «дроздовщина». Под ним понимают систему. Нельзя же в самом деле сказать открыто — «хрущевщина»! Но то, что «дроздовщина», а значит и система, явление антинародное, об этом иногда говорят и прямо. Так один из наиболее талантливых писателей старшего поколения, Константин Паустовский, прямо сказал на обсуждении романа Дудинцева «. . . у «дроз-

довых» и у нас — кардинально различное понимание престижа нашей родины, достоинства нашего человека . . . они смеют отнимать у нашей страны все человеческое и материальное богатство . . . Обыватели, подхалимы, проходимцы и предатели, считающие себя в праве говорить от имени народа, который они, в действительности, презирают и ненавидят, продолжая, тем не менее, говорить от его имени».

Та же мысль, но в более сдержанных тонах, высказана и в статье Назарова и Гридневой об отставании драматургии и театра в журнале «Вопросы философии»: «Лишение народа права «обо всем судить» и превращение взглядов отдельных лиц в «руководящие идеи» в корне противоречили ленинскому отношению к народу и отстраняли его от возможности активно воздействовать на процессы формирования советского театрального искусства». Если отбросить спасительное для авторов «ленинское отношение», то сказанное свободно применимо ко всем областям советской действительности.

И народ платит власти недоверием, враждебностью за отстранение от жизни, от права самому судить и решать свои дела. Так и повисает неотвеченным и неразрешенным над советским сановником Варыгиным вопрос малограмотной крестьянки — «Верно ли нет ли, ноне сделали с нами?» При чем, женщина из народа, прекрасно понимает, что это не частный вопрос ее села и только этого года. На казенную отмашку Варыгина — это есть де «политический вопрос» Деревлева, — так зовут эту крестьянку в рассказе Жданова «Поездка на родину», — которая «слушала его с выражением удовлетворенности на лице» замечает — «Вот и я считаю — политической вопрос, — с готовностью подхватила она, видимо довольная, что разговор обретает истинную глубину. — Это уж верно, это вы хорошо объяснили. Нет еще сознательности у наших масс». После такого ответа действительно не уснешь, как это и случается с Варыгиным. Ведь, правда, а что если массы станут «сознательными», но только не в том смысле, как повелось применять это слово в советских условиях — тогда и от «дроздовых» и от «варыгиных» — тех же «дроздовых», но кающихся, — пожалуй ничего и не останется.

Не верит народ, не верит и интеллигенция в обещания коммунистов о будущем. Скрипач Армандо спрашивает начальника строительства Суходолова в «Сонете Петрарки» — Слушай, когда мы кончим строить? — на что Суходолов отве-

чает многозначительной фразой «— Смешной вопрос. Что с музыкантов спрашивать! Ты хоть какую-нибудь политграмоту знаешь?» На такой ответ Армандо ничего не остается сказать как «учу... сдаю...» и переменить разговор. В «Русском Лесе» у Леонида Леонова героиня романа Поля так спрашивает коммуниста Сапожникова: «Ну, а дальше что?.. Через сто лет?.. когда все необходимое будет построено, враги побиты и старый мир останется позади?» В ответ Сапожников только хмурится. А у Штейна в его пьесе «Гостиница Астория». перед лицом наступающей общенародной катастрофы войны и катастрофы окруженного Ленинграда, один из персонажей говорит о коммунизме — «Эта идея рухнула, как несостоявшаяся гипотеза».

К неверию в цель присоединяется и глубокое неверие в методы, которыми власть пытается осуществить провозглашенную ею цель построения коммунизма. Это, между прочим, одна из тенденций, проходящих красной нитью через все критические произведения последних лет. У Погодина, например, в уже цитированном «Сонете Петрарки», встретившийся впервые в жизни с настоящей любовью герой, начальник строительства Суходолов, начинает задумываться над прошлым. Это толкает его к переоценке ценностей. Обращаясь к домашней работнице Марине Суходолов говорит: «— Ведь я, например, с ранней юности учился ненавидеть... А... если это чувство потерять, то пищи пропало. Ты уже тогда не член нашей партии, а служащий в ее рядах. Поэтому классовую ненависть я считаю чувством святым и достойным. Но теперь у нас враждебных классов действительно нет. Спрашивается, кого же ненавидеть? Есть негодяи, отребье, воры... Они достойны разве что презрения, а иногда и сожаления. Я ведь говорю сейчас о большой ненависти. Кого я должен ненавидеть в своей стране? Может быть, пора учиться любить...» на что Марина, этот символический представитель простого народа в пьесе Погодина, радостно отвечает — «вот хорошо было бы...»

А у критика Михаила Лифшица мысль о том, что **средство**, а не **цель** решают все, выступает уже в законченном виде: «Читатель знает с детства, что решить задачу — еще не все, — пишет Лифшиц в своей большой критической статье о «Дневниках» Мариэтты Шагинян. «Нужно решить ее правильным методом, ибо в методе заложена возможность тыся-

чи других решений, правильных или неправильных, в зависимости от того, каков принятый метод. Всякий недостаток метода бросает тень и на само решение». Это сказано, правда, по поводу писательских методов Мариэтты Шагинян, но как всякое обобщение, выходит далеко за пределы литературной критики, тем более, что начинает Лифшиц свои рассуждения о методе так же с обобщения: «Известно, что победителей не судят, но если сами победители этого хотят, как быть?»

Русская интеллигенция прекрасно понимает, что на ее долю выпала нелегкая задача быть духовным вождем народа, взять на себя поистине тягчайшую в советских условиях ношу — защиту интересов народа. Защищая свое право на это она говорит: «чем выше культурный уровень человека, тем сильнее в нем стремление разбираться во всем самостоятельно, тем сильнее он будет отстаивать свое право «обо всем судить»». (так недвусмысленно сказано в уже упомянутой статье Назарова и Гридневой). И именно поэтому партийное руководство и не доверяет интеллигенции. Те же Назаров и Гриднева констатируют: «Художественной интеллигенции перестали доверять тогда, когда народилась и сложилась многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти, кровь от крови советского народа. Доверять в это время стали лишь советской интеллигенции, занимавшей административные посты, среди которой было немало перестраховщиков и людей просто недостаточно культурных». Другими словами, доверять стали только «дроздовым», только «новому классу» партаппаратчиков и иже с ними. Но так не только «было», так есть и теперь. В той же статье мы читаем «Доверие к художественной интеллигенции и по настоящее время полностью не восстановлено. Попрежнему полным доверием пользуются лишь сотрудники ведомственных учреждений . . .»

Согласно марксистской терминологии подобные мысли и их распространение называются «обретением классового сознания». Учитывая то, что мы пытались сформулировать как гипотетическую схему развития российской революции и роли интеллигенции в этом процессе, приведенные здесь выдержки из литературных произведений и критических статей последних лет недвусмысленно свидетельствуют о наличии глубокого и частично уже осознанного конфликта внутри ве-

дущего слоя так называемой советской интеллигенции и его расслоение на «дроздовых» и «лопаткиных».

Кстати сказать, роман Дудинцева, на который мы сознательно почти не ссылались, поскольку он хорошо известен всем присутствующим, несомненно занимает центральное место среди книг — документов духовного пробуждения интеллигенции и всего общества. Литературно книга Дудинцева, пожалуй слабее не только «Времен года» Пановой и «В родном городе» Некрасова, но и «Квартиры № 13» Вальцевой и «Собственного мнения» Гранина. Но нигде, ни в одном из упомянутых произведений политическая проблематика не поднесена публицистически, — да именно публицистически, — так остро, как у Дудинцева. В плане рассматриваемых нами явлений «... Не хлебом единым» занимает пожалуй то же место, что и роман Чернышевского «Что делать?», но только с поправкой почти на сто лет. (К чести Дудинцева надо сказать, что с художественной точки зрения его книга написана и живее и политически острее, чем бегемотообразное и зевотывызывающее творение Чернышевского).

В одном, однако, отношении произведения шестидесятников и писателей и критиков сегодняшнего дня, весьма сходны между собой: на вопрос «что делать?» и те и другие отвечают в основном иносказательно. «Вы станете еще и политиком!» эти слова, звучащие в ушах Лопаткина в конце романа Дудинцева, намечают только путь, столбовую дорогу действий, но не говорят о методах борьбы. Значительно определеннее звучит та же тема только в вопросах, касающихся не общего положения вещей, а частных проблем. Так, например, писательница Галина Николаева, человек в основном колеблющийся и умудряющийся в одной и той же книге — «Битва в пути» — поместить вначале сусальную, вызывающую отвращение сцену похорон Сталина, а затем взволновано и реалистически рассказать о любви Бахирева и Тины, так вот, Галина Николаева в критической статье «За один год», пишет, поддаваясь общему движению интеллигенции: «Отрыв от жизни народа ведет писателей к забвению своего гражданского долга, к забвению великих традиций русских классиков, которые были совестью России».

У Михаила Лифшица в уже упомянутой критической статье о «Дневниках» Мариэтты Шагинян та же мысль высказана менее напыщенно, но зато более точно: «...если писатель серь-

езно относится к своей задаче, то его прямая обязанность — представить обществу материал, в котором отражаются различные стороны действительности. Тем самым он способствует принятию правильных решений и сам участвует в жизни народа, а не является только гудошником (из оперы Бородина «Князь Игорь»), умеющим во время удара в колокола с пением «Радость нам!» Писателей, способных дать обществу достоверный материал для решения его вопросов, критики школы Белинского называли «дельными». Лифшиц за то и разнес «Дневники» и был в свою очередь за это обруган официальной критикой, что на целом ряде примеров доказал, что «писательница готова рассуждать на любую тему, совершенно не зная ее» и при этом каждый раз ударяться в напыщенную восторженность, полную внешнего блеска, но по существу фальшивую и отталкивающую.

Борьба против «большой враки», против бутафории советской действительности в литературном и художественном творчестве, требование — прежде всего служить народу и быть совестью России, конечно, еще не революция и не программа, но несомненно начало как того, так и другого. А требование Назарова и Гридневой, облеченное во фразу — «Жизнь показывает, что в области литературы и искусства методы самоуправления лучше всего обеспечивают проведение в жизнь ленинского требования «поменьше руководить, побольше практического дела», — еще не требование демократии, но во всяком случае первый шаг к этому требованию.

Правдивость, свобода обмена мнений, доверие человека к другим людям, право самому решать свою судьбу — хотя бы личную, право самим разбираться в тех «почему?», которые ежечасно ставит советская действительность, бескомпромиссная борьба с мещанством, как основным явлением общественной жизни в Советском Союзе, — это все, конечно, немного, это программа минимум, но это программа с недвусмысленной тенденцией в сторону свободы. Требование самоуправления для искусства и литературы далеко еще не программа политического устройства будущего, но несомненно отражение тенденций, мыслей и чаяний, господствующих в советской интеллигенции. И если самоуправление для искусства, то почему не для других областей жизни?

Конечно, Дудинцев не Чернышевский, а Щеглов и Лифшиц не Писарев и Добролюбов. В отношении ставимых ими

эстетических требований молодые критики сегодняшнего дня — полная противоположность шестидесятников. Они требуют воскрешения извечных законов искусства, противопоставляют их плоской полезности партийного задания (или как сказано у Назарова и Гридневой «... вместо правдивого отражения действительности, вместо следования объективным законам искусства стали руководствоваться текущими инструкциями, начетческими схемами, которые выдавались за жизнь».) Шестидесятники, как известно, требовали как раз обратного — полезности искусства и литературы. Вот в отношении основной тенденции и те и другие однако несомненно едины — это «желание приняться за настоящее дело, сознание пошлости разных красивых игрушек, возвышенных рассуждений и недвижимых форм, которыми мы себя так долго тешили и дурачили». (Кстати, сие не Щеглов и не Померанцев или Абрамов, а Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?» — статье, чье заглавие можно было бы взять лейтмотивом для всей русской литературы последних четырех-пяти лет! Или как сказал поэт Семен Кирсанов, обращаясь к людям будущего:

И что в своей семье стесняться?

Теперь вы знаете, что делать.

А ваши дни нам часто снятся,

как Вере Павловне в «Что делать?»

Вполне понятно, что тема нового, тема «настоящего дня» выражается прежде всего в положительных героях произведений последних лет. Здесь как бы закладываются этические и отчасти политические контуры будущего. При этом, невольно, хочется хотя бы вскользь остановиться на известной общности стиля, на общности языка и методов подачи действительности, бросающимся в глаза при чтении произведений последних лет в их сравнении с литературой 60-х — 80-х годов прошлого века. При чтении Твардовского и Евтушенко невольно напрашивается сравнение с Некрасовым и Никитиным. Суровые мужики Тендрякова воскрешают в памяти образы «Власти земли» Глеба Успенского, а при чтении романов Каверина невольно приходят на память Гаршин и Гарин-Михайловский. Об известной общности «... не хлебом единым» с «Что делать?» мы уже упоминали.

Герой литературы последних лет, и в первую очередь герой «крамольной», подвергнувшейся ожесточенным нападкам

официальной критики литературы, это — молодой советский интеллигент, любящий свое дело и свою страну, желающий своей деятельностью принести наибольшую пользу народу. В этом стремлении он наталкивается на непреодолимые стены системы и на ее носителей — партаппаратчиков и советских сановников типа Кирпичева из «Гостей» Зорина. Лопаткин — Дудинцева, Ольховский — Градина, Настя Ковшева в «Повести о директоре МТС и главном агрономе» — Галины Николаевой, Татьяна Петровна Власенкова — из «Поисков и надежд» Каверина, художник Павел и его жена-писательница из «Квартиры 13» — Вальцевой это все по существу люди одного покроя, одной судьбы. Для них всех высшим принципом жизни является дудинцевское «... не хлебом единым жив человек, если он настоящий». Прикладная мораль коммунизма для них неприемлема. Они ратуют за общечеловеческую правду, за общечеловеческую мораль, за внутреннюю чистоту. Суходолов в «Сонете Петрарки» Погодина прямо говорит секретарю обкома Павлу Михайловичу, процитировав сперва замечание Достоевского, «что даже отцу с сыном... нельзя говорить между собой о своих отношениях с женщиной», а не только посторонним, — «Почему мы не можем следовать законам, установленным великой моралью?»

А героиня «Русского Леса» Леонида Леонова, Поля, так определяет чистоту в жизни и в отношениях между людьми: «... что такое чистота на земле? Это чтобы не было войны и чтобы жить без взаимной обиды, чтобы маленьких не убивали, чтобы на ослабевшего не наступил никто... каждый может ослабеть в дороге, правда? И чтобы дверей не запирали, и чтобы друг всегда за спиной стоял, а не враг, и чтобы люди даже из жизни уходили с улыбкой... И еще чтоб трудились все, потому что человек без труда хуже любой твари становится, ему тогда весь мир взорвать нипочем...»

У того же Леонова в «Золотой карете» красной нитью проходит мысль, что чувство мести пожирает в душе человека не только чувство любви, но пожирает всю человеческую душу. В «Гостинице Астория» Штейна сын уходит на фронт не только что вернувшегося из ссылки отца и умоляет его простить изменившую отцу мать. Отец оказывается неспособным это сделать и вот сын гибнет на фронте в первом же сражении. Этическая проблема мести и прощения переходит в политический план. И это каждый раз, как только

дело касается одного из самых жгучих вопросов последних лет — отношение к бывшим репрессированным, возвращающимся домой или погибшим в ссылке. И почти везде тема верности членов семьи и ближайших друзей, показана как добродетель, становится центральной темой в плане психологических взаимоотношений героев, эталоном добропорядочности.

Это особенно чувствуется у Каверина в «Поисках и надеждах» — жена и сын, ближайшие друзья продолжают верить в арестованного Андрея Львова. А критик Марк Щеглов, ставя Леонову в упрек отчуждение дочери от отца, даже не арестованного, а просто подвергнутого жестокой официальной критике, пишет — «Редко бывает так, чтобы «дети» в случаях действительной отсталости, хуже того — преступности «отцов» испытывали к ним одну лишь ненависть».

Молодой писатель из далекой Читы Илья Лавров так обобщает основной принцип человечности — «Всем дается от рождения краса души. Всем! Только беречь ее нужно. А то разрастается сорняк пошлости, эгоизма. А спасение одно: поменьше люби себя, побольше других».

Характерен для интеллигенции и пересмотр отношения к прошлому, к за-границе, опять же в противовес коммунистической пропаганде. Так например, Михаил Лифшиц, критикуя Мариэтту Шагинян, с негодованием замечает, что «все комплименты, расточаемые автором нашему общественному строю, сводятся к унижению прошлого во имя настоящего и будущего». У Каверина та же мысль высказана, хотя и с оглядкой, но значительно определеннее, «Перед странной задачей остановились мы в последние годы — доказать, что наша медицинская наука развивается с необычайной быстротой или, по меньшей мере, быстрее, чем наука других стран или всего мира. Нам и никому другому принадлежали ее величайшие открытия XIX и XX века — это утверждалось в книгах, и статьях, в кино и в театре. И никто не замечал, что наряду с защитой придуманного, мнимого первенства мы теряли подлинное, добытое в мучительных трудах и исканиях. Существовали десятки причин, из-за которых мы теряли реальное первенство, но самая главная из них заключалась в том, что никто из нас не имел права делиться своими открытиями даже с лабораторией соседа.»

О противопоставлении — извечных законов мировой эстетики или как выразился Марк Щеглов — «вечных непобедимых законов искусства» прикладной коммунистической эстетики мы уже упоминали. Общечеловеческая этика и эстетика это то, что совершенно ошибочно называемые «ревизионистами» представители русской художественной интеллигенции, выдвигают как идейную основу борьбы с тоталитарной диктатурой. Поэтому прежде всего именно в них видим мы тех «формальных ревизионистов», о которых говорил в своем докладе Юрий Александрович Письменный.

Их фронт неоднороден, есть в нем и колеблющиеся элементы, как например, упомянутая нами Галина Николаева, у которой правда все время мешается с «политическим заданием» — ее пожалуй скорее даже можно отнести к тем «субъективным ревизионистам», к тому колеблющемуся элементу, о котором говорил Юрий Александрович, — но есть среди них и твердые, готовые жить жизнью своих героев люди. «Дудинцевщина» — стала общественным явлением, если судить по советской прессе, и как сообщает «Литературная газета» (№ 122 за 1957 г.) даже уральским писателям «срочно захотелось отыскать, собственного Дудинцева». И характерно, что это фронт поколений. Среди «крамольных» писателей, поэтов и критиков мы встречаем либо представителей самого старшего, либо самого младшего литературного поколения. Старшие, «маститые писатели», в своем большинстве обрели себя на «заговор молчания», который скорее можно было бы назвать подвигом, если бы молодые писатели, поэты и критики не продолжали бы показывать пример своим учителям собственным поведением — нежеланием подчиниться требованиям партийного начальства.

И партийное начальство прекрасно понимает, что дело все не в эстетике, не в «вечных непобедимых законах» искусства и не в желании искуситься «многообразием форм». Не решаясь сказать, что интеллигенция, и особенно ее молодая часть выступает против системы, против всего строя тоталитарной диктатуры, партийное руководство и партийные «заплетных дел мастера» от искусства облыжно называют духовное пробуждение интеллигенции — ревизионизмом. Но опасность видит оно, конечно, не в попытках «подправить» систему, а в том, что за этими попытками скры-

вается. Так например партийный критик Гершкович пишет в апрельском номере журнала «Звезда» за этот год:

«В современной идеологической борьбе объектом острейших дискуссий стали вопросы развития литературы и искусства, вопросы эстетики. Но было бы ошибочно сводить суть этой борьбы к чисто эстетическим проблемам. В действительности эстетическая оболочка прикрывает политическое содержание этой борьбы».

Гершкович не оставляет у читателей сомнения к какой цели ведет эта борьба «чисто эстетических проблем»:

«Анархо-индивидуалистические лозунги «абсолютной свободы творчества» на деле ведут к отказу от социалистической демократии в пользу буржуазной демократии».

Или в другом месте:

Они разглагольствуют о «демократии вообще», о «чистой демократии». Однако за всеми этими фразами скрывается их влечение к буржуазной демократии и отрицание демократии социалистической».

Больше того, интеллигенция, оказывается понимает свое историческое положение в ходе развития российской революции и эгоистическое цепляние «нового класса» партаппаратчиков, за паразитарную, антинародную систему:

«Вслед за буржуазными идеологами, — читаем мы дальше у Гершкович, — ревизионисты стремятся толковать партийность в условиях социализма как своеобразное выражение интересов коммунистической партии, не совпадающие якобы с интересами народа. Они представляют дело так, будто у народа есть и политические интересы, и идеологические стремления, противоречащие политике и идеологии коммунистической партии. Отсюда отрицание ревизионистами партийного руководства политической жизнью страны, идеологией вообще и искусством, в частности.»

Пять лет назад такие взгляды назывались не «ревизионизмом», а махровейшей «контрреволюцией»! Но посмотрим дальше. Та же мысль повторяется несколько раз:

«В политическом отношении, в вопросе о взаимосвязи партийности и народности они, (т. е. «ревизионисты»)

противопоставляя народ партии, пытаются оторвать народ от партии, писателей от партийного руководства, принцип народности литературы и искусства от принципа партийности литературы и искусства. Отсюда и противопоставление демократии и партийности. . . Здесь, в частном случае, проявляется общая тенденция современного ревизионизма — ослабить или даже вовсе свести на нет руководящую роль коммунистической партии в общественной политической жизни стран социалистического лагеря.»

Но довольно цитат! Приведенных вполне достаточно, чтобы осознать все значение так называемого «ревизионизма» в области духовной жизни у нас на родине. Комментарии, как говорится, излишни.

Как же встречает интеллигенция нападки партийного руководства, чем отвечает на новый зажим тех пускай и минимальных свобод, которыми ей удалось воспользоваться в последние годы?

Как мы уже упоминали, самое старшее поколение писателей, поэтов, художников просто замолчало и отказалось принимать участие в какой либо дискуссии, в смысле «публичных покаяний». «Маститые снова взялись за переводы, за редакторскую работу, время от времени огрызаясь на нападки партийных Пришибеевых, как это сделал, например, Илья Эренбург в своей статье о Стендале, приведя якобы принадлежащую перу Стендаля фразу о том, что решающим является не личность тирана, а сама сущность тирании.

Но вот молодежь не унимается. Для нее «Оттепель» прошла не бесследно и она не собирается сворачивать только что развернутые знамена.

Так молодой поэт Михаил Луконин характеризует положение «крамольника» после партийного разноса:

**Враги мои и завистники увязались со мной,
Деньги перевелись. И пальто прохудилось.
Я снова знаю, как надо писать. И в гостиной одной
Уже принимать меня отказались! Скажите на милость!
Я распрямился, почувствовал силу плеча,
Хрустнул руками, спружинил спиной и — помчался,
Не разбирая дороги, ничего не боясь,
над собой хохоча.**

**Так и иду я теперь, спотыкаясь от счастья.
Мне совсем не известно, что сделаю я, что найду,
Ничего еще нет у меня кроме жажды полета.
Предчувствую радости и предвижу беду,
В сердце растет откровенное, новое что-то,
Чувствую, что молодею, худею лицом,
Злею, ревнивею и, словно ветер, крепчаю.
Жизнь свою переворачиваю обратным концом
По направлению к юности. Понимаете? — прямо к началу!**

О каком, спрашивается, начале может здесь быть речь? Многозначительное «понимаете?» показывает, что дело не в начале жизни или творчества поэта, а в начале всех начал, в грозных днях революционного потрясения России, в революциях 1905 и 1917 года. —И в породившей его духовной революции прошлого столетия, выношенной русской литературой. . .

Михаилу Луконину вторит и Евгений Евтушенко, с почти мальчишеским задором отвечающий на нападки партийного начальства:

**Меня не любят многие
За многое вина,
И мечут громы-молнии
По поводу меня**

**Угрюмо и надорванно
Смеются надо мной,
И взгляды их недобрые
Я чувствую спиной.**

**А мне все это нравится,
Мне гордо от того,
Что им со мной не справиться,
Не сделать ничего.**

Мой доклад затянулся. Поэтому, к сожалению, нет времени остановиться на тех процессах, которые происходят в других слоях интеллигенции, показать на примере, скажем, правоведов и юристов, как дискуссия разгоревшаяся вокруг вопросов литературы и искусства преломляется в проблемах

связанных непосредственно с политической жизнью страны, в области «правовых», если так вообще можно выразиться, основоположений тоталитаризма. Или остановиться на кажущейся на первый взгляд схоластической дискуссии экономистов о «действии закона стоимости» при социализме, за которой в конечном счете скрывается борьба двух принципов экономики — принципа политического планового хозяйства и принципа соответствующего внутренним законам экономики и ведущего в этой области от политической диктатуры в сторону свободы — принципа рыночного хозяйства.

Здесь по понятным причинам выступают в основном на первый план те две первых категории «ревизионистов», которые Юрий Александрович Письменный охарактеризовал как «чистых или ортодоксальных» и «субъективных» ревизионистов. Сложность и особая специфика проблематики поднимаемых здесь идеологических и политических вопросов, что в равной степени относится к чрезвычайно интересным спорам в области исторических наук, потребовала бы специального доклада.

Для нас было, однако, важно попытаться разобраться в проблемах, связанных с жизнью литературы и искусства, памятуя ту роль, какую сыграла русская литература и русское искусство в прошлом, подготавливая умы и сердца русского общества к революции и может сыграть современная литература и искусство. Ведь именно с духовным пробуждением, а тем самым и с духовным бунтом литературы и искусства, связана теснейшим образом судьба нашего народа, его будущее. Ибо без духовного руководства, без идей, объединяющих и вдохновляющих широкие массы народа и особенно его ведущую часть, интеллигенцию, без единства целей, вообще немыслима какая-либо борьба. Тем более борьба против столь мощного врага человечества, как коммунистическая система и ее носитель — «новый класс» партийной олигархии.

Подведем самые необходимые итоги:

1. Мы можем с уверенностью сказать, что российская революция вступила в новый период — в период духовной подготовки свержения паразитарной системы, возникшей из-за отсутствия индустриального общества в России 1905-1917 года и неимоверно затянувшей «якобинский», террористический период революционного процесса. Однако, несмотря

на то, что в отличие от всех прошлых революций в ходе террористического периода русской революции успел сложиться паразитарный класс партийной бюрократии, последнему не удалось ни предотвратить возникновение и рост нового русского общества, а только невероятно и нечеловечески исказить его формирование, ни духовно стерилизовать его. Во главе нового русского общества встала деловая интеллигенция и волевые элементы нации.

2. Российская интеллигенция и внутри ее в первую очередь художественная интеллигенция стала, опираясь на лучшие традиции свободолюбивой, демократической мысли, как их выразила русская литература прошлого века, носителем передовых идей, взяла на себя как ведущий слой общества духовное руководство всем народом, стала выразителем его чаяний и надежд. Она противопоставила себя партийному руководству и, не имея других возможностей для кристаллизации общественных идей кроме художественного творчества, т. е. в первую очередь литературы, поэзии и театра, превратила их в трибуну общественной мысли, в средство мобилизации духовных сил общества во имя свободы.

3. Все, что происходит в течение последних пяти лет в русской литературе и искусстве не может быть оценено иначе, как начало более или менее открытого общественного разгрома идеологических, правовых, политических, моральных и иных основ системы. В то же время начинают вырисовываться контуры этических, правовых и идейных основ будущего, опирающихся на общечеловеческую мораль и на идеи свободы и демократии. Тем самым антикоммунистическая революция вступила в ПЕРВУЮ и основную стадию — в стадию революции сознания и духа, когда вынашивается и формируется революционная идея. Или, говоря ленинской формулировкой, когда — «идея штурма зреет в сознании масс».

4. Партийное руководство, «новый класс» партийной бюрократии, отчетливо сознал всю опасность происходящего для дальнейшего существования коммунистической системы. Однако, партия по существу не может ничего предпринять кроме полицейского окрика, кроме заглушения голосов русской интеллигенции казенной, набившей оскомину пропагандой. У нее нет ни новых идей, ни веры в старое. Если в настоящий момент ей и удалось временно подавить голос ин-

теллигенции, принудить его замолчать, то не подлежит сомнению, что 1953—1957 год не прошли даром. Они оставили глубокий след в сознании общества, и рожденные в эти годы идеи попрежнему живы и продолжают действовать под только внешне спокойной поверхностью. К тому же власть не в состоянии лишить интеллигенцию свободы мышления. Грозным «мэне-текел» нависли над системой слова дудинцевского героя Лопаткина:

«Кто научился думать, того полностью лишить свободы нельзя»...

Народ и особенно молодежь глубоко верят в свою победу. Они верят в победу правды над злом коммунизма. Уверенностью в будущее звучат слова, вложенные в уста одного из персонажей рассказа «Рычаги» молодым писателем Александром Яшиным:

«Правда — она свое возьмет. Она, брат, скоро дойдет... Она прогремит!»

5. В этих условиях единственная слабая сторона духовного бунта интеллигенции, при выпавшей на ее долю задаче разрушения идеологических основ системы и создания духовных основ будущего, это разобщенность, невозможность объединиться, досказать выдвинутые мысли до конца, да к тому же обогатить их дискуссией с идеями Запада, с достижениями передовой человеческой мысли свободных народов. Этот пробел призваны заполнить мы, российская политическая эмиграция, и тем самым помочь интеллигенции у нас на родине в выработке идей и методов борьбы, а так же контуров будущей свободной демократической России. Но говорить об этом уже не входит в мою задачу. Это тема Федора Тарасовича Лебедева.

Разрешите мне поэтому закончить несколькими строками крупнейшего из живущих русских поэтов, строками из одного стихотворения Бориса Пастернака, касающихся, как мне кажется, в равной степени и художественной и политической русской интеллигенции и обращающихся к ее представителям как по ту так и по эту сторону Железного Занавеса с требованием всегда быть неотъемлемой частью народа и общества, всей своей жизнью и творчеством, художественным или духовным, служить ему не ради славы, а ради жизни и не успокаиваться на достигнутом:

**Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.**

**Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.**

**Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.**

**И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.**

Сила между Востоком и Западом

Наш мир никогда не представлял собою целого, никогда не представлял собою «общей семьи народов», «сосуществующих» в мире и благоденствии. Однако, тенденции исторического развития, порожденные христианством, в конце концов, казалось, должны были привести народы мира к общему сотрудничеству в создании наиболее совершенных форм сожительства. Действительность оказалась иной. И никогда еще мир не был так разобщен, так расколот, как в наши дни.

В ход социально-политического развития человечества и государственных отношений вторглась сила, разлагающая по самому своему существу. Разрушительная сила атомной бомбы явилась как бы следствием общих разрушительных тенденций, вошедших в мир.

Это, конечно — не открытие. Каждому известно, что мир разделен на два лагеря. Утверждение это — трюизм.

Лагерь свободы и лагерь диктатуры. Свободный мир и коммунистическая империя. Демократия и «народная демократия». Капиталистические страны и страны социализма. Империалистический мир и «зона мира». Таковы некоторые из определений, характеризующих разделенный мир, взятые из обеих его частей.

Условно мы называем обе противостоящие друг другу части мира — Восток и Запад. Собственно говоря, это не наша, не российских эмигрантов формулировка — это западная формулировка, и мы принимаем ее для употребления лишь в целях, так сказать, единообразия понятий — в общении с нашими западными друзьями.

Итак: нет единого мира. Вместо него — Восток и Запад, которые противостоят друг другу не только как диаметрально противоположные идеологические, политические, экономические и социальные системы, — но и как непримиримые враги в самом вульгарном смысле. Вот в этом то пункте и кроется слабость принятой нами условной формулировки: не Восток и Запад — враги, а . . . Все дело в том, что отождествляемая с «Востоком» коммунистическая система, проводимая и охраняемая ЦК КПСС, будучи тоталитарной системой агрессии и диктатуры, не только несет в самой себе враждебность ко всему свободному и не покоряющемуся, но и в каждый момент, фигурально выражаясь, «точит нож» для расправы с непокорными силами свободы.

Это тоже — не открытие. Но, хотя в мою задачу сейчас все не входит давать обоснование такому утверждению, оно здесь очень к месту, как та аксиома, от которой мы должны — и только и можем — строить наше мироощущение, если хотим оставаться реалистами.

Восток и Запад — две силы. Не приходится доказывать, что это — разные силы. Насколько первая агрессивна и наступательна, настолько вторая оборонительна и нерешительна. Казалось бы, в этих условиях не может быть речи о противостоянии — какое может быть противостояние наступлению со стороны нерешительности. Но, если можно так сказать, качеством своей внутренней силы, основанной на принципах свободы и человечности, Запад до последнего дня превосходил Восток — в этом и кроется секрет длящегося противостояния. Материальную мощь обоих лагерей мы оставляем сейчас в стороне, ибо, с нашей точки зрения, она — только производное от духовной мощи каждой из сторон. Спад этой духовной мощи в одном из лагерей — увы! соответствующие признаки мы видим на Западе, видим все усиливающимися — неизбежно приведет к ее капитуляции, в каких бы «почетных» формах она не произошла.

Итак: две силы. Итак: одна в наступлении, другая — в обороне. Следовательно — борьба, следовательно — война, пресловутая холодная война, которая «утомляет» Запад, а Восток — взбадривает к новой и новой инициативе. Естественно для мирно настроенной демократии и агрессивной диктатуры? Нам не хотелось бы в данном случае говорить о болезни демократии — потому что ее временное состояние, зависимое

от преходящих факторов, вовсе не характеризует систему по существу, — но сегодняшнее неблагополучие в смысле недостатка воли к активной самозащите является несомненной болезнью. Дальше мы увидим и другие признаки этой болезни, — наличие которой сейчас только констатируем.

Деление мира на две части, однако, верно только в масштабе больших величин. Есть еще на нашей планете и малые силы, которые как то влияют на соотношение основных сил и общее развитие событий. В нашем условном разделении мира на Восток и Запад — где то «самоопределяется» ревизионизм Тито, где то цветет нейтрализм Неру и присных ему немудреных государственных деятелей, где то широко разворачивается арабское национальное движение. . . Мы говорим «где то», желая определить место этих неравноценных сил между Востоком и Западом. Ближе к Востоку, рядом с Востоком — имея в виду интернациональный коммунизм, только таков может быть ответ. Мы не предрекаем завтрашних событий, но сегодня из чуждых сил только ревизионизм как то служит делу Запада. Однако, как показывает пример Гомулки, служит совсем ненадежно.

Что еще есть в мире? Какие силы, действенные или потенциальные, кроме указанных, являются или могут стать союзниками одного из двух основных лагерей — свободы или несвободы. . .

Есть особая сила, которую не замечают, почти не учитывают, в лучшем случае — недооценивают. Эта сила — мы.

Нет, нет! Не «мы» — в смысле Центрального Объединения Политических Эмигрантов. Вовсе нет! Я весьма далек от хлестаковских реплик и глупого бахвальства. Я не потерял чувства юмора. Я не хочу быть смешон. И если я говорю «мы» — то лишь для того, чтобы привлечь ваше внимание к, скажем, одиозным словам «зарапортовавшегося» докладчика.

Мы — особая сила между Востоком и Западом, это — политическая эмиграция из стран, народы которых сегодня поработены коммунистической диктатурой. В частности, это российская политическая эмиграция во всем ее многообразии — многообразии и по времени ухода из сферы коммунистического владычества, и по месту расселения. Во всей своей разъединенности, российская политическая эмиграция — едина; не монолитна — но едина: по причинам своего возник-

новения, во-первых; по целям, достижение которых могло бы ее ликвидировать, во-вторых. И именно потому она — сила. Вот о ней то мы и будем говорить — всегда помня, что сегодняшний наш разговор о ней вовсе не ставит российскую эмиграцию вне общей антикоммунистической эмиграции, и объясняется только национальным моментом.

Освещение истории российской политической эмиграции не входит в мою задачу. Однако, напомнить, что исход больших групп русского народа и других народов России из сферы достижимости советской власти начался с 1918 года — и российская антикоммунистическая эмиграция может отметить и отмечает ныне сорокалетие своего существования — следует. Исход происходил непрерывно — и особенно большими народными волнами в те эпохи, когда ход событий тому способствовал: так было в двадцатых годах — когда уходили сразу понявшие и неприявшие советскую власть; так было в сороковых годах — когда уходили бывшие борцы за коммунизм и строители социалистического общества; так было и есть в пятидесятых годах — когда уходили и уходят либо победители, спасшие страну в последней войне, либо ничего никогда кроме советского строя не видевшая молодежь.

В итоге: уходили и уходят все, кто имел или имеет к этому возможность физического порядка и силу порядка духовного. И никак уж нельзя говорить, что антикоммунистическая эмиграция — это представители «старого режима», ушедшие от «нового порядка» или изгнанные им, этим порядком. Антикоммунистическая эмиграция — это плоть от плоти и кровь от крови **всего народа**, из которого она вышла. Она — сколок, своего рода **концентрат** представляемого ею народа — всего народа в его многообразности и многообразии, а не того или иного враждебного коммунистическому режиму «класса».

Советский словарь 1955 года так определяет понятие «эмиграция». Это, во-первых, — массовое переселение из какой-либо страны в другую, вызываемое причинами экономическими, политическими и пр., неизбежный спутник эксплуататорского общества. Это, во-вторых, — совокупность эмигрантов, проживающих в какой-либо стране. Ничего не можем возразить против такого определения и в применении к нам, кроме того — что оно недостаточно.

Что созданный в Советском Союзе строй — эксплуататорский строй, это не подлежит оспариванию. Что российская антикоммунистическая эмиграция не принимает ни политического, ни социального, ни экономического «порядка» коммунистической диктатуры — об этом нечего и говорить. Но — только ли это породило антикоммунистическую эмиграцию? Нет! В первую очередь нашу эмиграцию породило и характеризует столкновение несовместимых и непримиримых между собою наших и «их», коммунистических, духовных начал. Это — наше стояние, стояние до конца, за свободу, права, достоинство и самоценность человеческой личности, за общечеловеческие и всечеловеческие ценности религии, морали и культуры — за все то, что по самой природе коммунистической диктатуры отменяется ею вчистую, — как бы она это не скрывала.

Вот в чем причина возникновения антикоммунистической эмиграции. И об этом, конечно, советский словарь не говорит. А именно этот то «пунктик» и делает российскую антикоммунистическую эмиграцию явлением и силой совершенно исключительными.

Прежде всего — когда мы имеем дело с российской антикоммунистической эмиграцией, нет нужды пользоваться термином «политическая». В дальнейшем развитии темы мы от него и отказываемся. Ибо антикоммунистическая сущность нашей эмиграции не только предопределяет ее политический характер, но прямо утверждает ее. Бытовой эмиграции из стран, поработанных коммунистической диктатурой, не было и нет. Даже слепой страх наказания за вынужденное пребывание на оккупированной территории, вынуждавший во время войны людей уходить вместе с отступающим неприятелем — политического и только политического происхождения.

Мы совсем не хотим сказать, что вся российская антикоммунистическая эмиграция — сознательно действительна политически. Вовсе нет. Но мы утверждаем, что самым фактом своего ухода от коммунистического режима — а это только так и происходило — каждый российский эмигрант явил себя политическим и духовным противником коммунистической диктатуры, совершил политическое действие. И уже одно только пребывание в свободном мире — вольно или не-

вольно вводит нашего эмигранта в состав той силы, о которой мы говорим.

В российской антикоммунистической эмиграции нет аполитичных людей и быть не может. Каждый сегодняшний обыватель — завтрашний борец, если нужно — боец. Потому что иначе — он автоматически выпадает из антикоммунистических рядов и переходит в стан врага. Другого не дано! Такова природа нашей эмиграции. И это необходимо понять — ибо в этом наша сила. Осознанием этой неодолимой природы вещей и воспитанием в этом осознании как нашей эмигрантской массы, так и любой местной среды — мы разбудим и всколыхнем невидимые до времени силы.

Мы подходим здесь к совершенно особенному феномену — когда содержание понятия опровергает данную ему терминологию. Еще раз: кто такой «классический» эмигрант? Из уже приведенного нами определения видно, что это — человек, переселившийся из одной страны в другую. Теперь, когда мы установили, что бытовая антикоммунистическая эмиграция — нонсенс, когда мы идентифицируем российского эмигранта антикоммуниста с потенциальным бойцом — можем ли мы о нашей эмиграции говорить, как о переселенцах? Нет, понятие не подходит. Какие же это переселенцы, если они смотрят на свое пребывание в других странах, как на временное, и завтра готовы встать в ряды борцов за свою оставленную родину. . . Ведь цель российской антикоммунистической эмиграции — в условиях свободы борьба за освобождение родины.

Мы не так наивны, чтобы не знать, что какая-то часть бывших эмигрантов антикоммунистов осели на найденной ими «новой родине», войдя в окружающий быт и живя уже новыми интересами. Это имеет место. Но — мы и говорим об этих людях, как о «бывших». Существо же антикоммунистической эмиграции, как таковой, остается не переселенческим. К своему относительному благополучию, если оно достигается, она относится легко: движут ею те высшие цели, которые ее и породили, и временный «дом» в чужой стране сдерживающим началом не является. . .

Полнейшая лояльность в отношении народа и страны, давших тому или иному эмигранту «стол и дом», готовность быть в меру своих сил полезным этим народу и стране — для российской антикоммунистической эмиграции вовсе не означает

отказа от собственного устремления. В массе своей российская антикоммунистическая эмиграция — величина, не поддающаяся ни денационализации, ни, разрешите так сказать, деполитизации. В любых условиях она — определенная национально-политическая сила, всегда готовая к действию. Сорок лет, сменяя поколения, не изменили общего лица эмиграции и дают бесконечный ряд примеров самой высокой действительной жертвенности — жертвенности, доходящей до жертвы жизнью. И двадцатые и сороковые годы дали тому множество доказательств.

В свете всего сказанного, — а сказано о том, что является самой жизнью, — российская антикоммунистическая эмиграция, по сути, перестает быть эмиграцией. Такое привычное определение, если вдуматься, ничего, что касается нас, не определяет. Оно не только весьма условно, — оно, хотя и принято нами, в сущности направлено против нас самих — против эмиграции, как политической силы.

Российская антикоммунистическая эмиграция — сколок, своего рода концентрат народа, сказали мы раньше. Российская антикоммунистическая эмиграция — национально-политическая сила, всегда готова к действию. Это уже — не эмиграция. Это — огромное патриотическое сообщество людей, ушедших временно за пределы своей страны с определенной целью — бороться за освобождение страны от захватившей в ней власть диктатуры. Это — огромное патриотическое сообщество людей, добровольно поставивших себя на бессрочную службу родине. И больше, много больше: на службу всему человечеству. . . Ведь, освобождение народов России от режима коммунистической диктатуры и агрессии знаменовало бы освобождение всех народов мира — освобождение от страха, гнета и напряженности, которые характеризуют сегодняшний день.

Так «диалектически» в российской антикоммунистической эмиграции пассивное «переселенчество» видоизменилось в активную устремленность к созданию условий для «возвращенчества». Думаю, излишне говорить, что не в духе пресловутого «Комитета за возвращение».

В итоге всего сказанного, мы видим, что существо и природа того явления, которое мы называем российской антикоммунистической эмиграцией, совсем особого порядка. И, продолжая пользоваться старой терминологией, поскольку дру-

гой нет, запомним эту особую природу, запомним это особое существо.

Итак, сила между Востоком и Западом. Мы утверждаем это. Но — все-таки — сила ли? Что можем мы привести в подтверждение нашего утверждения? В чем может сегодня проявляться эта сила? И проявляется ли? Все это законные вопросы и обойти их невозможно, если мы хотим признания себя как силы. Ведь существо и природа явления, только что раскрытые нами, говорят — и убедительно говорят — так сказать о предпосылках силы, о потенциальном раскрытии ее, но самой силы еще не определяют. Попытаемся же ее определить.

Прежде всего, как расценивает российскую антикоммунистическую эмиграцию Восток, то есть диктатура ЦК КПСС. . . Отношение врага — всегда хороший критерий для самооценки.

Берем газетку «За возвращение на родину» от апреля 1957 года. В этой газетке говорится:

«Американская пропаганда искусственно поддерживает версию, что на Западе находится политическая эмиграция из Советского Союза и что эта так называемая политическая эмиграция самостоятельно, по собственному почину, в силу своих идейных убеждений якобы организует освободительную борьбу. . . Никакой политической эмиграции из СССР на Западе нет. То, что именуется политической эмиграцией, есть не что иное, как относительно небольшая кучка продавшихся американской разведке авантюристов. . .»

Такое заявление было сделано на прессконференции «Комитета за возвращение на родину» в восточном Берлине 2 апреля прошлого года. «Никакой политической эмиграции из СССР на Западе нет. . .» Так! Нет! Нет, оказывается, тех сотен тысяч российских людей, которые, разойдясь по всему миру, во всяком состоянии и при всяких возможностях поддерживают неугасимое пламя непримиримости к режиму диктатуры, — которые, болея за будущее человечества, неустанно взывают к мировому мнению: Карфаген должен быть разрушен! Нет, оказывается, тех наших друзей, которые все время приходят на Запад, «избирая свободу» и становясь в ряды борцов за освобождение родины. Нет, оказывается, никого — ни одного патриота, ни одного честного человека. А есть — только авантюристы, продавшиеся американской раз-

ведке. Не мало же их — сотни тысяч, так как ведь каждый российский человек здесь — антикоммунист... Что можно сказать по этому поводу?..

Стерев таким образом российскую антикоммунистическую эмиграцию с лица земли — диктаторы из ЦК КПСС, однако, всячески усиливают борьбу с нею. И те методы, которые диктатура пускает в ход в этой борьбе, лучше всяких наших слов говорят о том, что прошлогоднее заклинание: — Вас нет! — не действует, но что вождям диктатуры, действительно, очень хотелось бы, чтобы эмиграция, как политическая сила, не существовала. Это мы хорошо понимаем! Создание атмосферы взаимного недоверия и внутренних раздоров, возбуждение настроений «бесполезности» и «безнадежности» активной борьбы, внедрение тенденций «ухода в быт», дискредитирование революционных сил — характерные методы «мирного разложения» эмиграции. И вот эти методы отчетливо говорят обо всем значении эмиграции, именно как политической силы: с бессильным врагом незачем вести борьбу — его можно игнорировать. Только бессильного врага «нет», — если же с ним борются (а ведь кроме методов «мирного разложения» эмиграции — сколько широко применяемых методов провокации и «взрывов», насилия и «мокрого дела»), борются по принципу: все средства дозволены — значит враг силен и опасен.

И, действительно: всему миру известно, хорошо известно это и ЦК КПСС, что российская антикоммунистическая эмиграция, несмотря ни на что, существует как политическая сила. Мало того, остается непримиримой и без устали требует, требует и требует — именно она и именно требует от свободного мира поддержки ее борьбы против советской власти, против коммунизма. И не продается российская антикоммунистическая эмиграция — она горит в огне своей любви к родине. Да и единственного платежеспособного «покупателя» своего — обывательское вращение в быт приютивших стран — как уже было сказано — наша эмиграция в массе не приемлет. Она, именно она является бродильным началом в сосуществовательском болоте Запада, ибо ее совесть ни при каких условиях не может мириться с коммунистическим режимом. И она «бунтует» и против общей политики, и против американской политики — добываясь торжества политики своей.

Нет ни одного эмигрантского издания на языках народов России, которое соглашалось бы признать правильной внешней политикой и позицию Запада в отношении Востока. Нет ни одного эмигрантского издания на языках народов России, которые не критиковали бы и не порицали бы сосуществовательский курс и, например, переговоры о созыве совещания «на высоком уровне». Эмигрантская печать всех оттенков, выражая мнения и взгляды самых различных кругов эмиграции, единодушна в своей отрицательной оценке любых вариантов политики сговора свободы и диктатуры. И это единодушие блестяще характеризует единство российской антикоммунистической эмиграции в самом важном пункте — в основном пункте ее бытия. Разве это не показатель политической силы?

Разве противостояние, несмотря ни на что, чуть ли не всему мировому общественному мнению, ставшему на путь соглашательства и оппортунизма — не показатель силы?

Можно, конечно, говорить о субъективности и безответственности политических высказываний и призывов эмиграции. И конечно, в какой то мере это так и есть. Но отнюдь не это характеризует политическую деятельность антикоммунистической эмиграции в ее целом. Субъективность высказываний исключается уже тем единодушием в оценке международной политики в связи с Советским Союзом, которое наблюдается у всех группировок — часто далеко расходящихся по программным вопросам. О безответственности говорить, по меньшей мере, неуместно — ибо в случае успеха коммунистического похода на западный мир никто другой, как эмиграция, в первую очередь будет отвечать своей головой — не только за свою непримиримость, но и за ошибки, которые делала не она.

Здесь не безответственность, а глубокое проникновение в самую сущность положения — проникновение, основанное на самом близком, на личном знакомстве с тем, что представляет собою коммунистический режим, во многих случаях основанное на личном опыте, как соучастников или даже в какой то мере руководителей той античеловечной «игры», которую ведет коммунистическая диктатура во имя установления своей власти во всем мире.

К сожалению, знания и опыт эмиграции далеко не всегда убедительны для Запада. Западные, так называемые, экспер-

ты по русским делам склонны уклоняться от нашего опыта: мол, знаем все сами. . . Напрасно: таится в таком пренебрежении опасность ошибок и заблуждений. Они уже и имеют место не в малом числе.

Мы не касаемся вопроса об использовании Западом отдельных высоко квалифицированных политически российских эмигрантов на исследовательских или радио-журналистских местах — это частность. Но эмиграция, как сила, которая безусловно была бы полезной в определении направления текущей политики — к такого рода делам не допускается. Мало того: как правило, неизученным остается опыт работы организованной эмиграции, тогда как в ряде эмигрантских организаций исследовательская работа поставлена на значительную высоту. Было бы неправильно сказать, что эта работа вовсе и ни на кого не оказывает никакого влияния, но еще более неправильным было бы утверждать, что это влияние является чем то и что то решающим или определяющим. Насколько Запад знает и изучает политическую работу российской антикоммунистической эмиграции показывает хотя бы тот факт, что совсем недавно в одной американской газете журнал Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР был назван подпольным изданием, выходящим в Советском Союзе. Конечно, это мелочь, но мелочь вредоносная — и не потому, что она дезинформирует читателя, а потому что сама же себя разоблачает, как глупость: на снимке показан журнал, где ясно стоит и название организации, и «Мюнхен».

Запад в целом, и отдельные страны в частности, оказали российской антикоммунистической эмиграции огромную помощь, дав ей возможность, вообще, быть, существовать. Но, как политическую силу, могущую быть ценным союзником в борьбе за свободу и демократию против коммунистической агрессии, Запад российскую антикоммунистическую эмиграцию не принял. Ее призывы проходят мимо ушей сильных мира сего; ну, многие ли, например, обратили внимание на ее протесты против политики расчленения России! Не принял, — хотя в отдельных случаях отдельные группы или лица и были привлекаемы и привлекаются в ряды соответствующих сил Запада. Это, по сути — привлечение из эмиграции, а не привлечение эмиграции; это — отбор (и не всегда удачный) из эмиграции, а не привлечение эмиграции, как силы.

Конечно же, наш анализ вовсе не значит, что каждый желающий эмигрант должен иметь возможность и право «делать политику», не надо примитивизировать — но он значит, что, как целое, российская антикоммунистическая эмиграция должна стать на одну доску, как равноправный союзник, со странами свободного мира. Зарубежная Россия, или Свободная Россия — как символ, должна быть в какой-то форме признана.

Перед второй мировой войной живший в Париже американский журналист Хонтингтон написал интересную книгу, посвященную российской эмиграции. Хонтингтон писал:

«Среди наций, рожденных войной, есть одна, которая не указана ни в одном атласе. Между тем, население ее — свыше миллиона; по общему уровню своего образования она, вероятно, выше всех других наций. Она не имеет собственного правительства, но ее дипломатическое бюро находится в Женеве и паспорта ее гражданам выдает Лига Наций. Они не владеют собственной территорией, но колонии их разбросаны по всему миру. Половина населения состоит из бывших военных, но эта нация не имеет постоянной армии. Она не имеет также и парламента, хотя в ней представлены все решительно политические течения от монархистов до социалистов, исключая коммунистов, которым объявлена анафема. Граждане этой нации имеют свои школы, дабы дети их не забыли своего благородного языка и блистательной традиции предков. На каждых шесть мужчин в этой нации приходится один с высшим образованием. Талантливейшие музыканты, актеры и художники творят неустанно, причем творчество их предназначается не только для своих сограждан, но и для всего мира. Эта нация есть Россия вне России».

Двадцать лет назад американский журналист понял, что есть Россия — вне России, и достойно оценил нашу «нацию». Что изменилось с тех пор? Военное и послевоенное пополнение российской антикоммунистической эмиграции, несмотря на утечки, увеличило ее численность; число колоний, разбросанных по всему миру, умножилось; численный состав потенциальной армии возрос; процент лиц с высшим образованием вырос, и так далее. То есть: удельный вес России вне России по всем статьям повысился. И главное в этом: живое ощущение и близкое знание сегодняшней России — Советского Союза, коммунистической партии и всего режима дик-

татуры. А, как следствие, полнейший иммунитет от всякого коммунистического прельщения. . . Так народ сам выслал подкрепление и смену своим первым, отправленным на свободу, силам. Нечего говорить, что это подкрепление не в меньшей мере чем первые силы жаждало борьбы за освобождение родины.

Россия вне России стала действительно большой силой — политической прежде всего.

Нам думается, налицо все основания к тому, чтобы российская антикоммунистическая эмиграция вышла из положения силы между Востоком и Западом и заняла твердое положение одной из слагаемых сил Запада. Несомненно, это послужило бы укреплению позиций свободного мира — с одной стороны, и укреплению в мире политической морали — с другой. Мы не говорим уже о том впечатлении, которое подобная консолидация сил произвела бы «на той стороне». Признание Западом «де факто» России вне России, как основы России будущей — свободной, демократической — имело бы огромное психологически-политическое значение. Мы вовсе не имеем в виду при этом мишуры, связанной с, как говорят, «экзильным правительством» или чем то подобным: у нас такого правительства нет и играть в эту игру мы не сторонники. Мы видим признание исключительно в деловом плане — в плане привлечения организованной эмиграции, как политической силы, к практическому сотрудничеству по всем вопросам защиты свободы и борьбы с коммунистической разлагательской политикой и коммунистической агрессией.

Иногда приходится слышать обвинения российской антикоммунистической эмиграции в политическом экстремизме и в преследовании узко национальных интересов. И экстремизм и эгоизм обвинители видят в, якобы, призывах к войне, которые будто бы идут от эмиграции, имея целью втянуть свободный мир в вооруженный конфликт с Советским Союзом ради обеспечения ей возможности возвращения на родину. Такое толкование поведения антикоммунистической эмиграции — вовсе не верно. Конечно, российская антикоммунистическая эмиграция, где бы она не была, осознает себя прежде всего как базу и силу для борьбы за Россию, конечно такое осознание родит подчас и экстремистские взгляды, — но политический разум эмиграции организует борьбу

за Россию не в плане войны, не в плане иностранной интервенции, а в плане освободительного движения внутри страны — что в параллельном, но столь же важном, процессе имеет следствием освобождение всего человечества от угрожающих ему войн и порабощения.

Не ясно ли, что такая постановка вопроса логически влечет за собой требовательный призыв о поддержке в борьбе. И не ясно ли, что лучшим средством такой поддержки было бы активное сотрудничество в общем деле. . . Поддержка той или иной, как теперь говорят, акции эмиграции при общей политике, не соответствующей духу такой акции — скажем Дню Непримируемости, — по существу поддержкой в большом политическом плане не является. А разные паллиативные и случайные антикоммунистические мероприятия только мельчат идею борьбы и разбивают силы.

Итак, мы видим, что Запад, оказывая помощь эмиграции, недооценивает, а иногда и игнорирует ее, как политическую силу. Положение достаточно ненормальное: добровольный — не по формальному договору, а по всей своей сущности — союзник свободного мира, наиболее непримиримый к врагу свободного мира, готовый к сплоченной и жертвенной борьбе, оставлен в сторону. . .

Почему, собственно, создалось такое положение? Кто виновен, что дело обстоит именно так, а не иначе? Которая сторона?

Мы склонны винить, если в этом случае можно говорить о вине, самих себя — российскую антикоммунистическую эмиграцию — в первую очередь. Явления политической и моральной разнузданности, проявляющиеся во внутренних распрях и склоке, клевета и дискредитирование других в порядке собственного «выдвижения», наконец, репатриация отдельных, с позволения сказать, «деятелей» — все это подрывает доверие к эмиграции, порождает отдаление. Но это крайность. А в более или менее нормальных условиях эмиграция не смогла в должной мере заинтересовать собой западные общественно-политические круги — заинтересовать именно как политической силой. Были сделаны попытки заинтересовать Запад эмиграцией, как военной силой, но из этой затеи ничего не вышло, да по сути и выйти ничего не могло: как конкретная военная сила российская антикоммунистическая эмиграция представляет мало интереса — в силу цело-

го ряда причин, из которых главная — сравнительная малочисленность годных кадров. Не смогла эмиграция в должной мере создать в странах своего расселения и нужных общественно-политических связей, и тесных дружеских отношений с местной общественностью. Отдельные факты и удачи в этом направлении только подчеркивают общий фон, — фон неумной и вредной изолированности. А справедливость требует признать, что при правильном и серьезном подходе к налаживанию контактов, к созданию связей — российская антикоммунистическая эмиграция часто находит сочувственный и вдумчивый отклик.

И это — та работа, к которой призваны все, все без исключения российские эмигранты, поскольку все они — антикоммунисты. Каждая дружеская связь, каждая искренняя беседа с иностранцем — вклад в процесс понимания и осознания Западом нашего мирозерцания и наших целей; вклад в процесс укрепления доверия к эмиграции; в конце концов — если содержание дружбы и беседы политически заострено — это будет вклад и в процесс признания эмиграции, как дружественной политической силы, во всяком случае — подходящего партнера. Не нужно забывать, что общественное мнение в свободном мире слагается из свободных мнений отдельных людей, — а общественное мнение, преломляясь в парламентских выборах, диктуют поведение правительств.

На этой почве для антикоммунистической эмиграции раскрываются большие возможности, которые в должной мере не используются. А это — важный фронт. Таким путем мы ускорим переход из положения между Востоком и Западом к близости с Западом. Одно условие будет способствовать встречному к нам движению: в чужой монастырь не ходят со своим уставом — а посему нужно изжить «провинциальность» многих наших бытовых и общественных привычек и схем, делающую нас чужими для Запада.

В плане политической деятельности российская антикоммунистическая эмиграция имеет совершенно определенные достижения, явив себя, несмотря на недооценку ее Западом, как источник идей и лабораторию идеологии, и в то же время как практически действенную силу в борьбе за свой народ и в работе среди своего народа. Уровень политической жизни стоит сравнительно высоко. Осмысливание современности и переосмысливание прошлого является содержанием эми-

грантской проблематики. Все явления, происходящие в мире, материал для ее философски-политического творчества. При всем том российская эмиграция остается созвучной массе выделившего ее народа «на той стороне» и всегда обращена к нему. Она остается живой силой — поскольку нет оторванности от страны. И часто «на обеих сторонах» идут как бы параллельные процессы — возникая от общих посылок и ведя к постановке мировоззренческих вопросов. Подобное происходит и сейчас, когда, например, проблемы реформизма и ревизионизма стали «больными вопросами» и там, и здесь.

Такое направление политической деятельности эмиграции одновременно и источник, и следствие ее силы. И именно отсутствие оторванности от родины дает российской эмиграции способность правильных оценок происходящего и дар трезвого отношения ко всем соблазнам режима. Потому нет в эмиграции и соблазненных советскими искусственными спутниками; не в пример Западу 1300 килограммов металла в небе на эмиграцию действуют мало: она видит и другую сторону медали.

В критике российской эмиграции очень часто выдвигается, как отрицательное явление, отсутствие объединения эмигрантских организаций. Однако мы уже приводили сегодня факты, которые говорят о наличии в основных вопросах единодушия и единения среди российской антикоммунистической эмиграции. Таким образом, мы видим, что отсутствие объединения отдельных организаций вовсе еще не означает отсутствия единения. И мы не видим ничего худого в том, что российская антикоммунистическая эмиграция создала ряд политических организаций, исповедующих свои собственные взгляды на тактику и стратегию освободительной борьбы и на будущее устройство России. Демократические начала свободы и инициативы, проявившиеся в таком организационном строительстве, на наш взгляд, достойны общего признания. Наличие же ряда политических организаций показывает разнообразие политической жизни и разносторонность философско-политического творчества. Как реакция на тоталитаризм советской диктатуры — это явление положительное и думать об изжитии его не к лицу политической эмиграции, борющейся за свободу.

Другое дело — единение всех отдельных организаций и лиц в осознании общности конечных целей, в сотрудничестве

ве по линии практической работы. Такое единение выше и плодотворнее формального объединения. И наша цель — создание делового содружества борцов против коммунистического режима на основе делания, а не слов — и независимо от разницы во взглядах и принадлежности к отдельным организациям. Это вполне возможно, так как программа-минимум демократического возрождения России у всех почти наших политических группировок одна и та же. И в этом — сила российской антикоммунистической эмиграции.

Я думаю, вполне понятно и приемлемо, если мы исключаем из такого общего фронта экстремистские группки как справа, так и слева. Нашей эмиграции не по пути с людьми, которые еще сегодня, заявляя себя антикоммунистами, поклоняются «Коммунистическому манифесту» Маркса и Энгельса. Нашей эмиграции не по пути и с людьми, которые до сегодня таят шовинистические и реставраторские «бессмысленные мечтания». И то, и другое ослабить нашу устремленность к борьбе за Новую Россию — не может.

В обстановке благоприятного для антикоммунистической эмиграции климата, который устанавливается на Западе с 1947 года, российской эмиграции многое удалось сделать в смысле организации освободительной работы. И если мы говорим о недооценке Западом эмиграции, как политической силы, в смысле приятия ее в качестве равноправного партнера, — то в отношении предоставления эмиграции известной свободы и известных возможностей для самостоятельных действий в плане освободительной борьбы — упрекнуть Запад нельзя. Способность и воля к действию, показанные эмиграцией, равно как и достигнутые успехи — лучше всяких слов должны бы демонстрировать значение организованной российской эмиграции, как политической силы. Нам кажется, что внимательное изучение эмигрантского опыта, имеющего за собой уже годы практической работы, в конце концов приведет к должной оценке и признанию эмиграции, как действенного, может быть, самого действенного в настоящих условиях фактора преодоления коммунистического режима агрессии и диктатуры.

Российская антикоммунистическая эмиграция должна стать органической частью сил свободы — со всем влиянием, которое она вправе проявить в общем деле.

Отметим кстати, что такому становлению очень способствовало бы выдвижение в эмиграции независимых эмигрантских авторитетов. Поэтому, борясь с нездоровыми явлениями, укрепляя сотрудничество в практической работе — российская антикоммунистическая эмиграция не должна об этом забывать. Здесь связаны два понятия — независимость и авторитет. Иначе и быть не может: эмиграция только тогда авторитетна, когда она независима, — с другой стороны авторитетность эмиграции укрепляет ее независимость.

Тут мы снова подошли к тому вопросу, который затронули раньше — при оценке значения эмиграции советским Востоком. Независимость эмиграции — это основа ее жизнеспособности и действенности, как политической силы. Независимость эмиграции — это коренное условие всякой ее деятельности во имя родины, и особо — ее борьбы за освобождение родины. И если смысл существования российской антикоммунистической эмиграции — борьба против режима коммунистической диктатуры во всех ее видах, — что совершенно несомненно, — то нам хотелось бы прибавить сюда еще словечко — независимая. Это отнюдь не исключает ни получения помощи, ни сотрудничества, ни договоренности с другими силами.

В своей борьбе у независимой антикоммунистической эмиграции — два фронта: фронт к свободному миру, и фронт на Восток, «на ту сторону».

Основная задача первого фронта — мне кажется, ясна из всего уже изложенного: это — выход в свободный мир в качестве равноправной политической силы, в качестве активной силы, которая утвердила бы доверие к себе и создала себе авторитет — неся тем самым в западную общественность свой опыт познания коммунистического режима и борьбы с ним; — и, переходя в морально-политический план: создание настроения нетерпимости к античеловечному режиму, разрушение оппортунистических тенденций, пробуждение мировой совести — под девизом: свобода — неделима. . .

Ближайшей и непосредственной задачей фронта «на ту сторону» был и остается «разговор» со своим народом через голову режима. Это — не пропаганда. Это — разъяснительная работа. Разговаривать с нашим народом мы имеем право при всех обстоятельствах. Это — не подрывная деятельность. И

мы тем самым не вмешиваемся в чужие дела, — потому что это — наше дело.

Разъяснительная работа российской антикоммунистической эмиграции «на ту сторону» должна иметь своей целью:

а) пробуждение и оформление общего недовольства жизнью и порядками;

б) пробуждение и оформление общего антисоветского настроения, настроения против режима;

в) идеологическая критика основ коммунизма и его практическое опровержение;

г) пробуждение стремления больше и больше узнавать об иной жизни — о других политических и экономических учениях, о другом государственном строе;

д) как результат — постепенно оформляющееся стремление к переустройству всей жизни, стремление к свободе;

е) обострение недовольства и психологическое осознание необходимости и неизбежности борьбы.

В нынешнюю хрущевскую эпоху коммунистической диктатуры содержание разговора эмиграции с народом, разговора, ведущего к означенной выше и нарастающей постепенно — от невинного недовольства условиями личной жизни до осознания необходимости борьбы за переустройство всей жизни, — цели, оживляется ново поставленной темой об органической антинародности и порочности режима, навечно предопределяющих для народа бесплодность проводимых властью «реформ» и гнет перманентного подавления свободы во всех сферах жизни.

Во всех наших «разговорах» наша задача — звать соотечественников к поискам правды, к смелости мысли, побуждать к критическому осмыслению действительности и разработке мировоззренческих вопросов. Человек, который начал мыслить, уже не может остановиться — он дойдет до какого то предела. Ему надо дать только материал для размышления, для самостоятельного изучения. Мы не сомневаемся, что таким путем наш соотечественник «на той стороне» придет к нам. И потому тактическая задача российской антикоммунистической эмиграции на «восточном» фронте уже давно остается неизменной: наращивание недовольства среди населения Советского Союза, способствование начатому народом расшатыванию всей коммунистической системы — близя никому неизвестный «день икс». Вместе с этим эмиграция обязана

внушать соотечественникам «там» доверие к себе, к своей силе — как к силе национально-патриотической — во первых, как к силе политически реальной — во вторых. В этом случае чрезвычайно важно, чтобы Восток знал, что Запад принял эмиграцию, как политическую силу, что они вместе . . .

Помимо всего сказанного, нам кажется, что российская эмиграция могла бы и должна исключительно активно включиться еще в один общечеловеческий процесс, начало которого мы наблюдаем и на Западе, и на Востоке. Это — движение за утверждение ценности человеческой личности, движение за утверждение права каждого отдельного человека на личное счастье, на свою свободную, ни от кого не зависимую личную жизнь. Мы вовсе не считаем это движение движением утверждающего себя эгоистического обывателя, как то твердят тоталитаристы всякого типа. Мы видим в нем здоровую человеческую реакцию на извращения и эксцессы коммунистического коллективизма,—недаром в самом Советском Союзе наиболее пугающей властью темой разговоров является сейчас именно «личная» тема.

Подымая эту тему на высоту, российская антикоммунистическая эмиграция должна внести в освободительную политическую борьбу гуманистические начала такого самодовлеющего разворота, какого эта борьба еще не имела. Борьба общественно-политических сил за человека, как за каждую отдельную личность вне рамок строя — даст новое содержание делу эмиграции и еще раз докажет созвучность ее настроений с настроениями «на той стороне», где подспудно идет однородный параллельный процесс.

Совершенно необходимо чувствовать духовные проблемы, которые выдвигает жизнь, и ставить их смело и широко. Совершенно необходимо также включиться в поиски большой жизнеутверждающей идеи, тоска по которой разлита везде — и чем в муках занята элита молодой интеллигенции у нас на родине. Российская антикоммунистическая эмиграция не имеет права в этом отношении отставать. Она должна идти впереди, потому что в условиях свободы, в которых она находится на Западе, ее возможности осмысливания жизни и событий, возможности свободного обмена мнениями, возможности открытых выводов — не ограничены. В этом смысле не может быть никакого сравнения с условиями «на той стороне».

Отсюда — уже буквально долг российской антикоммунистической эмиграции: использовать все имеющиеся возможности для творческого пересмотра нашего идейного и идеологического имущества, для поисков нового. . .

В условиях сегодняшнего дня эмиграция не может стоять на старых позициях только огульного отрицания коммунизма — как политики, философии, экономики и так далее. Российская эмиграция обязана внести в борьбу с коммунизмом конструктивное, позитивное начало. И это должно быть направлено и на Восток — в помощь однородному процессу на родине, — и на Запад, — где еще сегодня так называемые «прогрессивные» круги ждут света с Востока. Вовсе нет речи об учительской роли эмиграции; претензии в этом направлении были бы смешны, но роль со-творца в творческих поисках новых основ жизни, ибо старые основы поколеблены везде — принять на себя нужно со всей ответственностью, если эмиграция не хочет обречь себя на бесславное существование и еще более бесславный конец.

Может ли российская антикоммунистическая эмиграция справиться с такой задачей? Мы уверены, что — да, при условии сложения сил и делового сотрудничества.

Наша задача — широко показать, что политическая борьба эмиграции — не игре подобное занятие отставленных от живого дела людей, как старается внушить коммунистическая пропаганда, а при всех преходящих и меняющихся обстоятельствах — борьба за человека.

В этом плане девизом антикоммунистической эмиграции становится — против коммунистической диктатуры, за свободу человека! Скажем, однако, сразу, что свободного человека мы мыслим не в анархических категориях, а в рамках демократической государственности.

Подводя итоги всему сказанному, мы очень коротко можем сформулировать наши требования к российской антикоммунистической эмиграции — то есть к самим себе, — к кому же еще наши требования могут быть обращены. . .

1) укрепление единства наших рядов в практической работе; воспитание национально-патриотической жертвенности во имя родины; воспитание воли к борьбе, стойкости и взаимопомощи;

2) создание, расширение и укрепление дружеских и деловых связей с народами и руководителями свободного мира —

в плане доброжелательного и искреннего сотрудничества по защите общечеловеческой свободы и демократии;

3) всестороннее развитие и расширение «разговора» со своим народом, идущего через голову режима — в плане политико-идеологической разъяснительной работы.

Всем своим существованием, всем своим поведением мы обязаны показывать свободному миру и нашему народу, что российская антикоммунистическая эмиграция духа не угасает и свободой горит. Основой и смыслом ее существования, как было всегда, так остается и теперь, является непримиримость к коммунистической диктатуре и режиму советской власти, под какой бы личиной она не выступала.

Мы служим нашему народу. Мы служим нашей непримиримостью и жертвенностью — всему человечеству. И мы это наше служение обязаны претворять в практические действия, помня:

«Наше время есть время обостренной и нещадной мировой борьбы. Хотим мы того или нет — мы участвуем в ней. Первой жертвой в этой борьбе стала Россия. Россия — ее гибель или возрождение — и первая и основная ставка в этой борьбе. Смеем ли мы забывать это, хоть на минуту? Тот, кто забывает это, тот не политический эмигрант, а беженец. Пусть же он опомнится: эмигрантство обязывает! . . . »

Издательство: Ц О П Э
Мюнхен, Западная Германия

Verlag: Z O P E
München 2, Gaiglstraße 25
Deutschland

